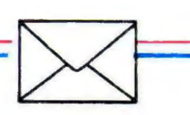
КРОКОДИЛ

№ 19 • ИЮЛЬ 1975

— Знаете что? Зайдите через недельку!

Рисунок М. БИТНОГО



«Страда — напряженная летняя работа в период косьбы, жатвы, уборки хлеба. Деревенская страда. Боевая страда (перен.: о напряженных боевых действиях)»

(Словарь русского языка С. И. Ожегова).

ЧЕЛОВЕК НА ЖАТВЕ

Обратите внимание на нюанс, читатель. Не поле, где в последнем ожидании колышется налившийся хлеб, сравнивается с полем брани, а наоборот. Дабы дать представление, сколь горячи боевые действия, нарекают их старым крестьянским словом — страда. Уж тут так жарко, что жарче, пожалуй, и не бывает. До полутора-двух недель спрессовано отведенное природой время, не растянешь и не размажешь его, а проморгаешь один день — и на землю безвозвратно просыплется зрелое зерно.

Оттого великий аврал царит на ниве в период жатвы, но подымется ли рука хлестать за это кого-либо? Аврал этот ждут, и готовятся к нему заранее. Проведен генеральный смотр техники. Ощупана и выверена каждая шестеренка, ибо на каждую шестеренку нагрузка падет предельная. До сытой отрыжки накормлены смазкой и горючим емкости — не ограничен рацион машинного питания. Грозно носясь на «газике» по угодьям, размахивают указательными пальцами разнокалиберные администраторы:

— Голову с плеч, если ущемите в чем комбайн или тросовую волокушу!

Правильная забота. Техника на жатве решает все. Тока и элеваторы на жатве решают все. Транспорт и дороги на жатве решают все. Есть, однако, еще одно сопряженное звено, к которому слова «решают все» следует отнести в наипервейшую очередь. Люди...

На трудном пределе в час страды работает не только каждый механизм — каждый человек тоже. И потому именно человеку — первое внимание. В одной только Крымской области, изменив привычные маршруты, выехали на полевые станы и элеваторы 75 автолавок. На 250 токах распахнули двери временные ларьки и буфеты. В каждом — холодильник. Более полутысячи предприятий общественного питания доставляют в поле горячие обеды. Тарахтят по проселочным дорогам бочки с квасом. Три сотни выступлений запланировали на короткую страдную пору агитбригады одного только Красногвардейского района...

Однако не везде «заполнены емкости». Это метафора, но, если угодно, вот вам и прямой смысл. Нажарившись под июльским солнцем, с вожделением подходит хлебороб к железной бочке, а в ней жидкость, которая с минуты на минуту подберется к критической точке — забулькает. Чудеса творит отечественная индустрия, а вот одарить хлебороба макси-термосом, где бы в полевых условиях первозданной сохранялась колодезная вода, не по плечу ей.

...Счастливо совпадает время жатвы со временем бурного созревания овощей, но всегда ли до полевого стана добирается овощ? Не захрустит взмыленный комбайнер пупырчатым огурцом, не разломит дрожащими от усталости коричневыми пальцами помидор, сахарно искрящийся на солнце, не покатает в растопленном золотистом масле молодую картофелину... Довольствуйся тушенкой и макаронами, страдный человек.

Отбурлил длинный страдный день, поздний страдный вечер настал, короткая минута досуга. Благодатная пора, когда, слетев с телевизионных антенн, несутся во все концы электромагнитные колебания. Растворены в них и поющий Муслим Магомаев и танцующий в современных ритмах Владимир Шубарин. Сельский час — так именуется программа. В городе и в деревне с удовольствием смотрят ее, но над полевым станом волны пролетают транзитом, не задерживаясь. Переносной телевизор «Юность» стоит в правлении...

И вот уже пора устраиваться на ночлег. На многих станах и навесы и койки со свежим бельем, но есть руководители хозяйств, которые считают, что полевой стан — это не туристический лагерь. Обед есть, а вам еще — мягкие ложа? Или — коек и матрасов вдосталь, а вам еще свежие газеты? Или — есть свежие газеты, так вам еще надобно видеть, как забивают киевские динамовцы очередной гол в безответные ворота?

Да, ему и газеты, и чистое белье, и культурный досуг. Он не привередлив, человек на жатве, а по выносливости и машине даст фору, но все-таки не стоит забывать, что человек на жатве — это Человек на Жатве.

Фельетонист

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

«ЧИНАРИК» В МЕДУЗЕ

Парадоксально, но и в наш никотиновый век все еще существуют на захламленной планете заповедные места, где не курят, несмотря на отсутствие здесь грозных запрещающих транспарантов. Черное море, например. Я имею в виду не прибрежную полосу, а непосредственно свободную стихию, какая катит волны голубые и блещет гордою красой.

Даже малосознательные граждане не шлепаются в нее с сигаретой во рту — это исключено чисто технически. Пока что. Но наука дерзает. Всесильная наука непременно отыщет способ примирения издревле враждующих начал — воды и пламени. И тогда поджарый соотечественник в импортных плавках красиво врежется в воду, не выпуская изо рта сигареты марки «Морванн» (морские ванны). Его вытянутые пальцы коснутся дна, тело гибко скользнет над трепещущими водорослями, затем он вырвется на поверхность и первым делом глубоко вдохнет в себя порцию ароматного горячего яда: могущественный прогресс возьмет с разбегу еще один рубеж.

Так будет. Ныне же массированное наступление никотина на море ведется вдоль всего побережья с помощью старых, проверенных способов. Атака развивается успешно. Свидетельствую это ответственно и компетентно, ибо я, коренной крымчанин, вижу этот процесс в его диалектическом развитии.

Два с гаком десятилетия назад ваш нынешний корреспондент возводил из песка с голопузыми сверстниками военные корабли типа «линкор» и «эсминец». Имело место это на знаменитом евпаторийском Золотом пляже, который ныне справедливо и скромно переименован в платный городской пляж. Здесь, как считали взрослые, было все: шелковый, стерильной чистоты песок и пологое дно, южное горячее солнце и легкий бриз. Нам же круто недоставало одной малости, без которой, однако, мы не могли закончить свои судостроительные эксперименты. Под рукой не было окурков, а что иное прикажете втыкать в песочный остов, дабы не колымага получилась это, а быстрый и бесстрашный военный корабль?

В тщетной озабоченности бродили мы по берегу. Затем подстерегали дяденьку с «Казбеком» в руках и бдительно караулили момент, когда, докурив, он выбрасывал «чинарик». На лету схватив его, спешили к своему недостроенному детищу.

Так скудно жили мы. Нынешнему голопузому поколению, что тесно и звонко обитает на евпаторийских пляжах, легче. Протянет наугад руку, поиграет пальцами в когда-то золотом песке, и потенциальная белоствольная пушка требуемой длины очутится в ладони. Вот разве что крейсеры не выстроить нынче: какая-нибудь дама непременно уложит на его военную палубу свои недозагоревшие телеса, буркнув:

— Кыш, мальчик, это тебе пляж, а не судостроительная верфь.

После чего дама сунет в рот сигарету «Пегас» и бурно задымит, олицетворяя собой разрушенное ею судно. Чем не корабль?

Рабочие пляжа супруги Ольга и Петро Гузик с ежедневной добросовестностью извлекают из сыпучих прибрежных недр такое обилие окурков, что почему бы не доплачивать им за вредность? С отравляющими веществами имеют дело... И тем не менее «чинариков» в песке остается столько, что с лихвой хватит на всех юных судостроителей евпаторийского берега.

Регулярно, как бой часов, вещает пляжное радио: кончилась такая-то лечебная доза, начинается такая-то. Это дозируются из человеколюбивых соображений солнечные ванны. Приняли свое, и айда в тень — под навес, под простынь на колышках, под топчан, если больше некуда. Солнечные ванны и ванны морские — современное медицинское мышление сурово лимитирует их. Но куда деться от ванн никотиновых?

Чтобы прояснить этот вопрос, явился я к администратору пляжа Д. П. Орешко. Я самонадеянно рассчитывал отыскать в правилах пользования пляжем соответствующий пункт. Мы честно соединили с администратором наши усилия, но не отыскали даже правил, если не считать нацарапанное от руки объявление: «Дыни и арбузов категорически не вносить». Тогда я, как дым, поднялся вверх к коммунальному вождю города М. М. Зусмановичу.

— Представьте, Михаил Михайлович, — издалека начал я, — что пациенты курят в больничных палатах. Дико? Но ведь пляжи тоже созданы с целебными целями.

— Да-да, — рассеянно сказал тов. Зусманович и прибавил, сконцентрировавшись: — У нас не хватает автостоянок. Вот проблема.

— Все курортные города, — упрямо гнул я, — специальными решениями защищены от шумов, от промышленных отбросов и прочее, а против никотина нет почему-то никаких заградительных мер.

— У нас стоянка всего на три тысячи мест, — упрямо гнул он. — Это мало.

— Во всем мире только и говорят сейчас о защите среды обитания, — упрямо гнул я, — а в Евпатории среда обитания — еще и целебная среда, нельзя же так варварски расправляться с нею.

— Мы на скорую руку соорудили дополнительные стоянки, — упрямо гнул он, — но это капля в море.

— Вы могли бы на своих пляжах отвести хотя бы места для курения, — упрямо гнул я. — Ведь это не обычный курорт, а детский. Без ребят сюда практически не едут.

— У нас есть проект автокемпинга, — упрямо гнул он, — но нет средств. А вы знаете, какую прибыль дают автостоянки?

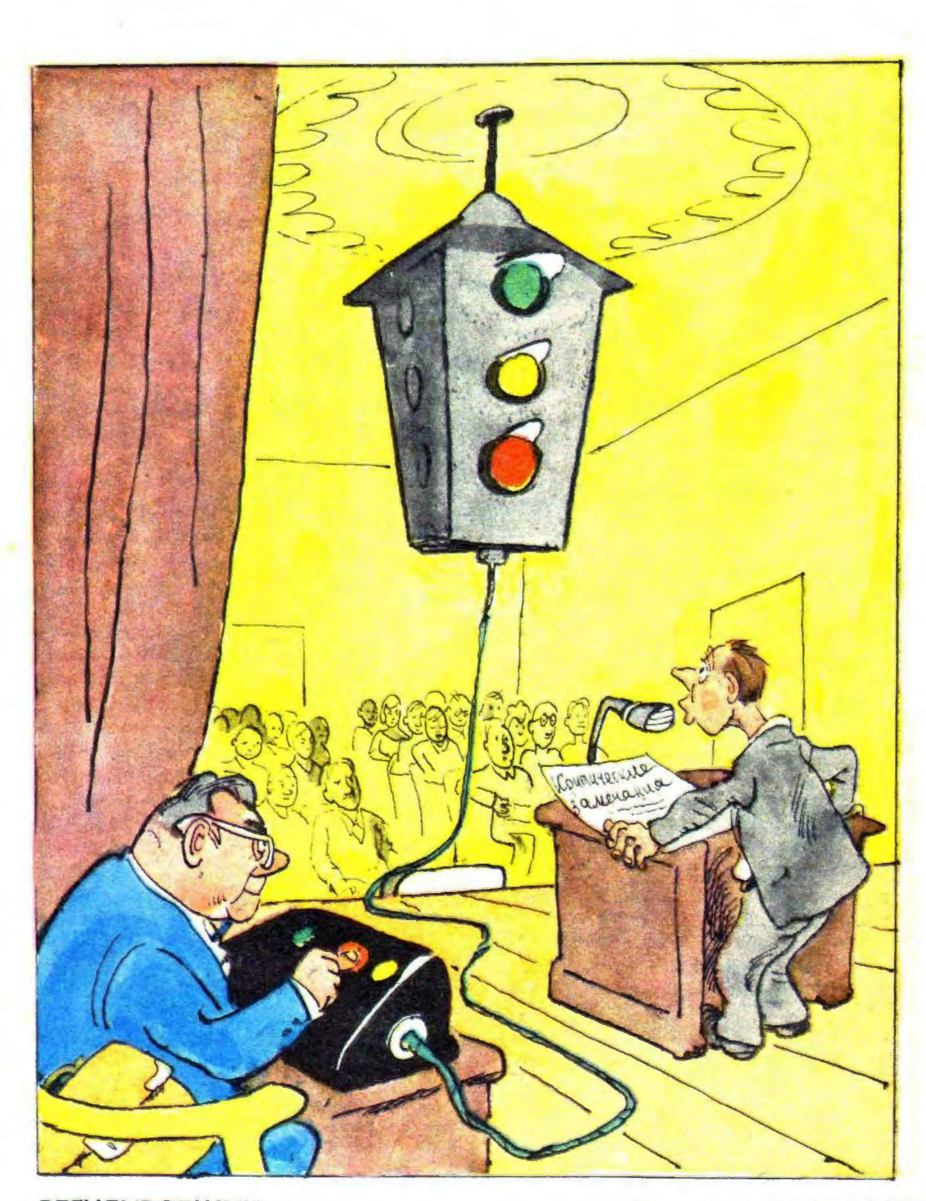
Я признал себя побежденным. Молча устыдившись малой масштабности вопроса, с которым я возник перед начальником горкоммунхоза, отправился я на закрытый детский лечебный пляж, товарищу Зусмановичу не подведомственный. В отличие от городских пляжей здесь была в одном месте прикустарена табличка «Место для курения», но носила она, естественно, чисто символический характер. Курили всюду, только не в этом месте.

После беглого визита на мужской пляж я в сопровождении старшей медсестры А. А. Федоровой посетил с сугубо исследовательскими целями женский лечебный и пришел к выводу, что в наш век бурной эмансипации никотинная интенсивность на обоих пляжах примерно одинакова.

Устав от сигаретного смога, я сел на прогулочный теплоход «Жасмин», дабы вволю надышаться чистым морским озоном. Удобно пристроился я на корме, но не успели мы отчалить, как вместо предвкушаемого бриза в нос ударил мутный табачный дух. Это работал справа от меня тощий субъект с прокопченными легкими. Я перешел на нос, но здесь вовсю трудились эмансипированные девушки. Вечером тот же сизый аромат игриво окутывал меня на открытой киноплощадке во время очередного явления народу Луи де Фюнеса.

И вот тогда-то на ум мне пришел тезис, с которого я начал этот черноморский отчет: открытое море все еще самоотверженно держится, непокоренное табаком. Взяв в ателье проката маску с трубкой, я заплыл к буйку и принялся дотошно исследовать морское дно. Вам приходилось видеть это грандиозное зрелище? Джунгли водорослей, сверкающие ноздреватые камни, массивные прозрачные зонтики медуз. Внутри некоторых из них можно разглядеть, присмотревшись, крохотных рыбешек или рачков. Но мне повезло: я увидел кое-что полюбопытней. Огромная голубая медуза несла в своем чреве нечто белое и прямое. Схватив изумленным ртом воздух, я подплыл совсем близко — еще чуть-чуть, и она стеганет меня своими жалящими щупальцами. То был «чинарик». Вода, вы знаете, увеличивает, и я не без труда сложил недоистлевшие буквы: «Золот...» «Золотое руно»? — слышал я, есть такое курево. Или, может быть, новую марку сигарет нарекли в знак никотинового триумфа в Причерноморье именем Золотого пляжа? Бывшего золотого...

г. Евпатория.



РЕГУЛИРОВЩИК

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

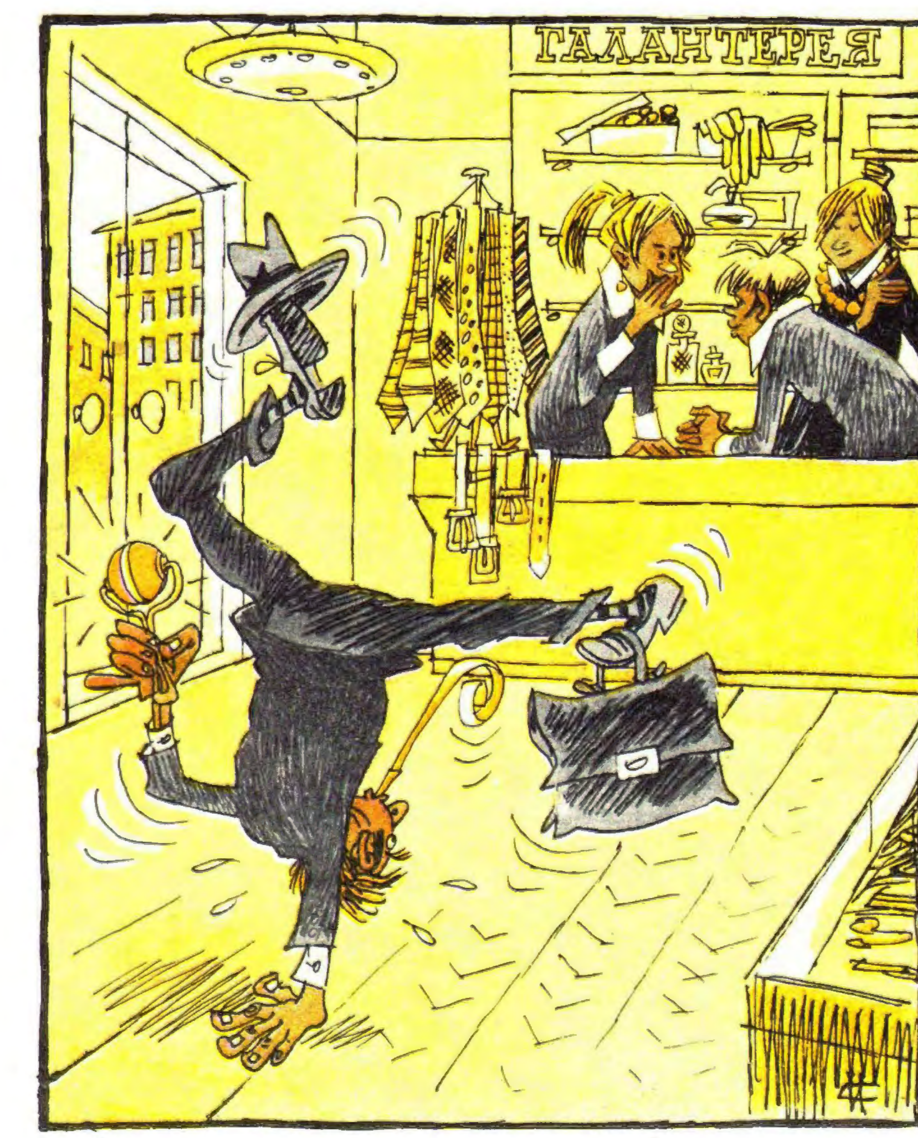
Самиг АБДУКАХХАР

Хобби Рустама

Что-то вроде хобби
у Рустама:
Матерью,
как рыцарь, дорожа,
«Мама»,
«мамы»,
«маме»,
«маму»,
«мамой»...
Он склоняет мать
по падежам.
Мама —
это ласковое слово
У него
никак не сходит с уст.
— Мама,— он твердит,—
всему основа.
Дом без мамы,— говорит он,—
пуст.
Впрочем, дома —
только фото мамы.
А хоромы без нее
пусты.
На стенах
багетовые рамы
Бережно
хранят ее черты.
У него
не просто увлеченье.
От любви кружится голова.
Знает все
о мамах изреченья.
Помнит все
крылатые слова.

Грудь его, как вазу
расписную,
украшает
нежности печать:
Слева —
«Не забуду мать родную»,
Справа —
«Вечно буду помнить
мать».
— Мать жива! — Не смог я
скрыть тревогу.
Но Рустам
заверил горячо:
— Да, жива старушка,
слава богу!
Нас с тобой
переживет еще.
Я охотно
похвалил Рустама:
— Ты, приятель, нежный сын,
я рад.
А скажи, давно ль
ты был у мамы!
— Нет,— сказал приятель,—
с год назад.
Я спросил,
взглянув в сыновьи
очи:
— Далеко ли
проживает мать!
— Да, далековато,
хоть не очень —
На трамвае
остановок пять...

Перевел с узбекского Дм. ПОЛИНИН.



— Нет, видно, как ни крутись, все равно не обратят внимания!

Рисунок И. СЫЧЕВА

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТАЙНА

Мини-детектив

В кабинете начальника Казахрыбвода неожиданно появился Шерлок Холмс.

— Приглашали? — кратко бросил он.

— Нет, вроде бы не приглашал, — смущенно ответил начальник, — но поскольку пришли — садитесь, гостем будете. Чем могу служить?

— Вот телеграмма из вашего управления, — сказал Холмс, подавая бланк телеграммы. — Получил — и сразу к вам. Мое кредо — оперативность.

— Странно, — задумчиво промолвил начальник, — кто же устроил вам вызов? Хотя все равно, приехали вы в самый раз. Возможно, с вашей помощью удастся разобраться в исчезновении некоторых уголовных дел на браконьеров.

— Смею заверить, — с достоинством сказал Холмс,— кое-что я уже узнал дедуктивным методом. Вы недовольны действиями отдельных работников милиции, поверхностно относящихся к расследованию дел на браконьеров.

— Совершенно верно, — удивился собеседник, — но как вы догадались?

— Отвечу, — пыхнул дымком трубки Холмс. — Это недовольство запечатлено на вашем лице и проявляется в жестах. Но я пришел к заключению, что неоперативно действует не только милиция, но и ваш аппарат.

— Позвольте! — возразил начальник. — С вашим поспешным заключением я не согласен. Вы заявляете...

— Да, заявляю и утверждаю: чтобы добиться разрешения вопроса, мало писать разного рода бумажки. Надо действовать. Скажите, почему ваш аппарат не пошел дальше бумажной переписки ну хотя бы по делу браконьера А. Гранкина? Его поймали с явной уликой. Браконьер нанес государству невосполнимый ущерб, загубив рыбы на 2 342 рубля. Сам Гранкин считал, что судебной скамьи ему не избежать. Рыбинспекция передала документы в Андреевский РОВД еще в декабре 1973 года. А его начальник подполковник милиции Н. Карабеков и сейчас еще не ответил вам. Так?

— Так. Напоминали, а он молчит.

— Вот, вот, так я и думал, — резюмировал Холмс. — Вы им бумажку, а они вам загадочное молчание. Бездействие на руку браконьерствующим типам. Они сознают это и чувствуют себя превосходно. Я побывал, например, в благодатной пойме реки Каратал и могу сказать, что тамошние браконьеры законом себя не стесняют. Еще летом 1973 года местная рыбинспекция отловила сразу четырех матерых хищников, прихватив их за выемкой из сети осетра. Каратальская милиция материал на них законсервировала, а потом вовсе утеряла.

Знают на Каратале и о том, что работники РОВД отказали в возбуждении уголовного дела на злостного браконьера, — с завидной осведомленностью продолжал мистер Холмс, — П. Н. Красилова, неоднократно задерживавшегося на незаконном лове ценных пород рыб. Знают и подобострастно кланяются начальнику милиции Маслову. Да и полковнику милиции Л. С. Токпанову, начальнику УВД Талды-Курганской области тоже кланяются. А почему не кланяться, если его подчиненные с блестящим умением заволокитили материал на некоего Казинского, систематически торговавшего в поселке Кировском похищенной рыбой. Говорят, вмешивался прокурор, но ему ответили, что дело на Казинского... утеряно. Утеряно, и все. Где? А это уж, говорят, наша профессиональная тайна.

— Справедливо заметили, — обрадовался начальник управления, — совершенно справедливо. Когда мы требуем ответа, нам говорят, что следствие — это тайна тайн, внутреннее дело органов дознания. Кстати сказать, такое положение создалось не только в Талды-Курганской области...

— Знаю, — деловито перебил Холмс. — Например, работники милиции Джамбулского и Таласского районов, Джамбулской области, большие оригиналы. Поймали они браконьера В. П. Губарева, везшего в автоводовозе почти готовую уху весом в 320 килограммов. А он попросил прощения. И милиционеры простили. Выписали штрафную квитанцию на 15 рублей. Правда, потом вмешался заместитель прокурора области Зубенко, и Таласское РОВД нашло браконьера и привлекло его к ответственности, но чем закончилась эта история, вы этого не знаете.

— Верно подметили, — кивнул головой начальник, — сколько ни запрашивали, не отвечают. А еще было интересное дело в Алма-Атинской области...

— Это вы о лейтенанте милиции А. А. Краузе хотите сказать? Проверял. Все так и было. В сентябре 1973 года Краузе, будучи в пьяной компании с браконьерами Ю. А. Болдаревым, А. И. Евсеевым и Э. В. Энгельбрехтом на берегу Капчагайского водохранилища, зверски избил общественного инспектора рыбоохраны А. С. Лисина. Страстное желание отведать браконьерской ухи под стопку водки привело Краузе к столкновению с законом. Но закон законом, а еще есть и следователь Талгарского РОВД Черный. У него возможностей оказалось больше, чем у закона: возбужденное на Краузе уголовное дело следователь прекратил. Тут, правда, вы ударили в набат.

—Я пришел к определенному выводу,— сказал Холмс и нервно заходил по кабинету, — что неуважение к закону и равнодушие к охране природы у некоторых служителей закона уживаются рядом. И все это, к сожалению, окутывается густым туманом профессиональной тайны. Я же как профессиональный сыщик утверждаю: чем меньше будет таких тайн, тем больше пользы для дела.

Проговорив эту фразу, Холмс так же неожиданно, как появился, исчез.

Беседу стенографировал
Константин СЕЛИНЕВИЧ.

— Не трать зря спички, я сухие дрова нашел.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Голоса меньших братьев

Хорошо еще, что с нас алиментов не требуют.

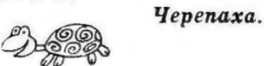
Аист.

Если бы вы знали, как надоело доказывать всем, что хвост у меня натуральный!..

Павлин.

Да, мы рождены ползать, зато живем триста лет.

Черепаха.

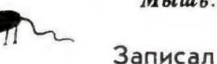


По мне уж лучше повторять глупости, чем их выдумывать.

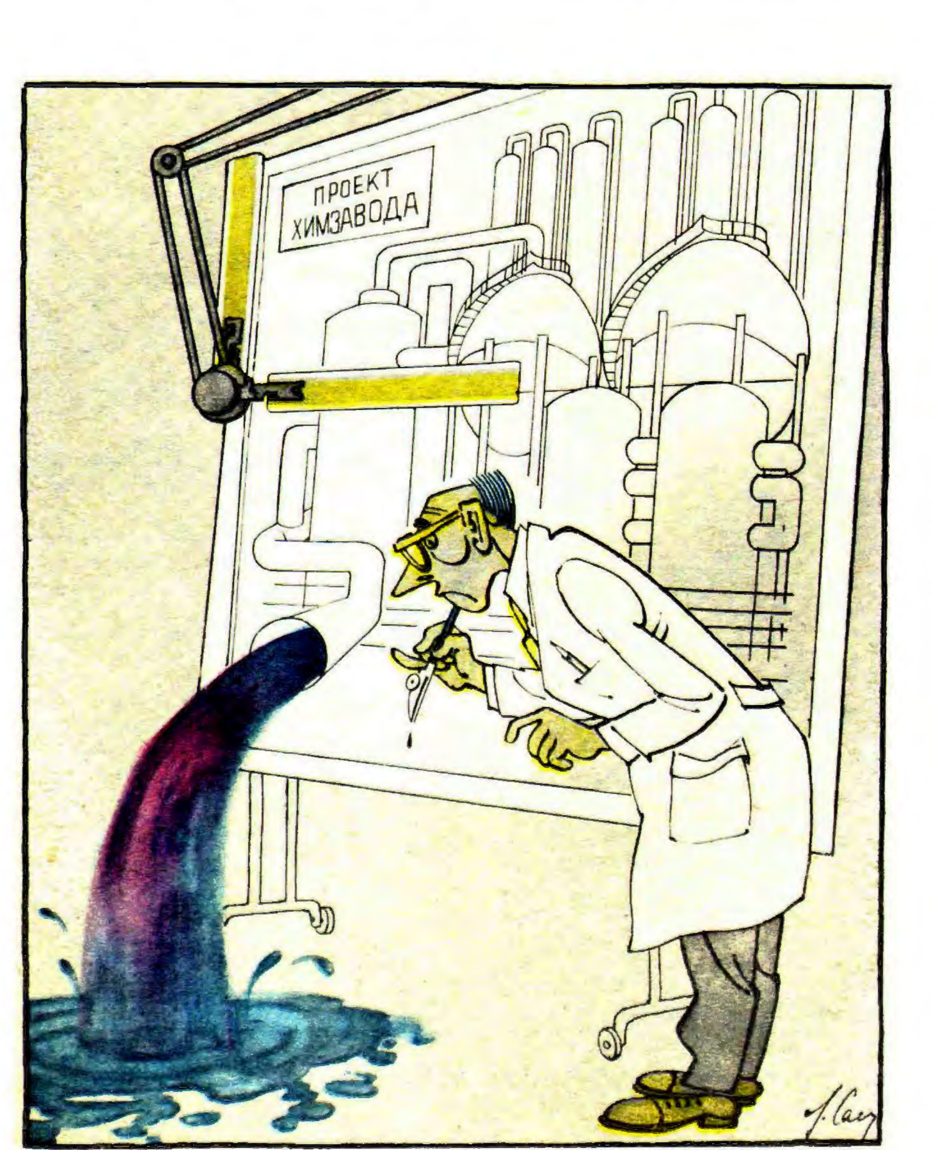
Попугай.

Эх, разыскать бы ту гору, что меня родила.

Мышь.



Записал
Е. КРУКОВЕЦ.



— Вот тебе раз! А про очистные сооружения и забыл!..

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Сергей САВЕЛЬЕВ

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Рассказ

...На лестничной площадке раздался шум. Дмитрий Иванович шестым чувством понял, что это гости.

Дверь распахнулась от могучего удара: замок рассыпался на составные части, и в квартиру ввалился медведь. Он по-хозяйски прошел по комнатам и крикнул:

— Сюда, ребята!

После этого в комнату вбежал заяц с фотоаппаратом, следом за ним втиснулся лось, который волок на себе два здоровенных рюкзака. Все трое были с ружьями.

— Ну как? — спросил медведь.

— Подходяще,— буркнул лось, а заяц пошевелил ушами и рассудительно сказал:

— Это лучшее из того, что мы с вами видели.

— Ну, значит, здесь.— Лось решительно сбросил рюкзаки.

— Давайте устраиваться.

Дмитрий Иванович за шкафом тихонько закрыл глаза. Все это было ужасно.

— Хорошо-о-о! — сказал медведь, подходя к окну и потягиваясь.— Какой пейзаж, а! А как легко дышится! Нет, что ни говори, а только здесь, вырвавшись из своей берлоги, и чувствуешь себя настоящим зверем!

— Да, — согласился лось.— Здесь просто чудненько. Девственная квартирка!

— А вот я не понимаю тех, кто не поднимается выше пятого этажа,— добавил, подходя, заяц.— По мне уж лучше пусть высоко, но зато чтобы нетронутый уголок и чтобы ни-ко-го!

Все замолчали.

— Ну, давайте располагаться,— спохватился медведь.— Время позднее, надо перекусить да отдохнуть, а то, не дай бог, зорьку проспим.

— Да-да-да, давайте. — Заяц подскочил к рюкзаку и оперативно начал выкладывать из него разные банки, кульки, свертки и бутылки.

Обязанности были поделены четко: лось заготавливал дрова (попросту крушил мебель), а медведь когтями сдирал со стены длинные полосы обоев на растопку. Костер развели прямо на полу.

— Ну, ребята,— лось копытом вышиб пробку из бутылки с водкой и разлил ее в маленькие пластмассовые рюмки,— выпьем за успех мероприятия!

Пустая бутылка покатилась под диван.

Все так аппетитно выпили, что Дмитрию Ивановичу за шкафом стало завидно. Первый страх у него прошел — осталось только любопытство, и он осторожненько выглянул из своего укрытия.

Звери расположились на ковре в позах знаменитых перовских охотников и вели оживленный разговор.

— Зайчиха меня пускать не хотела,— со смехом рассказывал заяц.

— С кем пойдешь? — спросила.— Ах, с медведем и лосем! Тогда ясно, зачем. Помог бы лучше капусту солить.

— Слава богу, моей дома не— сказал медведь, прикуривая от ножки бывшего стула.— В отпуск подалась. В заповедник.

— Извините, я сейчас...— заплетающимся языком сказал заяц. Одно ухо у него обвисло.

— Слабак, — пренебрежительно сказал о зайце медведь.

Любопытство наконец до того овладело Дмитрием Ивановичем, что он высунулся, позабыв о всякой предосторожности.

Медведь изумленно застыл.

— Смотри-ка! — выдохнул он.— Сам пришел, прямо к костру!

Лось потянулся к ружью.

— Хорош, а? — сказал он.— Сейчас я его...

— А не опасно? — испуганно спросил заяц.— На него же лицензия нужна.

— Какая к чертям лицензия! Тут девятый этаж. Глухомань. Медведь здесь прокурор,— подмигнул лось, вкладывая патроны в ствол.

«Что они собираются делать? — встревоженно подумал Дмитрий Иванович.— Зачем ружье?»

— Э-э-э, простите,— вежливо обратился он,— я совершенно случайно услышал ваш разговор и поскольку сам э-э-э являюсь охотником...

— Пищит-то как жалобно! — неизвестно чему обрадовался заяц.

— Сейчас замолкнет,— философски ответил лось и щелкнул затвором.

— Рогатиной бы его,— мечтательно произнес медведь.

— Шкуру портить! — презрительно бросил лось и поднял ружье. Дмитрий Иванович похолодел:

— Товарищи! Что вы делаете!

— Тамбовский егерь тебе товарищ! — нахально крикнул заяц.

— Вы за это ответите! По закону!—в отчаянии пригрозил Дмитрий Иванович, но, увидев, что лось поднимает ружье, бросился в дверь со всех ног. Сзади раздался грохот.

Трое суток после этого Дмитрий Иванович не шел домой. Жалеючи, его приютил дворник. Наконец исхудавший, с безумным взором Дмитрий Иванович решился переступить порог собственной квартиры. Она была пуста. Дмитрий Иванович без сил опустился на единственный уцелевший стул, и тут по его туго натянутым нервам больно ударил телефонный звонок.

— Медведев слушает,— почему-то шепотом сказал Дмитрий Иванович.— Кто, Лосев, это ты?

Он вздохнул и грустно сказал в булькающую у уха телефонную трубку:

— Нет, Лосев, на охоту я больше не поеду, так что можете с Зайцевым ко мне не заезжать. Что? Ну, при чем здесь жена! Жена в отпуске, на курорте! Просто не поеду, и все!

г. Калининград,
Московской области.

С. БОДРОВ

Гуси, гуси...

Вот опять наступило лето, прилетели дикие гуси. Но смотрю я в голубое небо и вспоминаю другой сезон года — осень, время, когда птицы улетали...

Красивое это зрелище! Шпарят они со скоростью автомобиля прямо на юг, со свистом разрезают тугой воздух. Сладко всегда мне от этой картины, и радостные мысли приходят в голову.

Так стоял я осенью за околицей, задирал вверх голову, придерживал кепчонку, чтобы не упала, и кричал:

— Эге-гей! Гуси! Хорошо вам там, в небе!

— Пого-го-го-ди, товарищ,— вдруг ответили гуси.—Уйми восторги.

И опустились птицы и повели рассказ о своей жизни. Оказывается, худо птицам в голубом небе. Оказывается, небо местами вовсе и не голубое...

Вот летели, к примеру, гуси над городом Кыштымом, Челябинской области. Встала на их пути густая завеса пыли. Это выпускал пыль в голубое небо Кыштымский завод огнеупоров. Сыпалась она на детские ясли-сады, на поликлиники и Дворцы культуры.

Испуганно крякнула стая и повернула в другую сторону.

И опять под крылом родные просторы, серпантин дорог, ленты рек и блюдца озер. Кажется, лети себе на здоровье и лети. Птицы потеряли бдительность, а напрасно...

Над городом Мичуринском лишились они части товарищей. Словно из пращи, выскакивали из труб Мичуринского мелькомбината отходы в виде кусков отрубей и ранили летящих. Многоопытные местные жители заранее попрятались по домам, не высовывались.

Чего только не насмотрелись в пути птицы-путешественницы! Но, пожалуй, больше всего поразил их Топкинский район, Кемеровской области. Таким равномерным слоем цементной пыли покрыл местный завод окрестности, что не было здесь ни цветочка, ни зеленой травиночки.

— От всего происходящего мы терпим большие убытки,— печально повествовал главный агроном межрайонного объединения совхозов И. З. Вахрушев.— Пыль оседает на растения и закупоривает их поры...

— Неоднократные предписания цементному заводу ни к чему не приводят,— уныло вторил санитарный врач Г. К. Петренко.— Очистное оборудование находится в аварийном состоянии или бездействует...

Не задержались долго пернатые в Топкинском районе. Не понравилось. Полетели прочь, глядя вниз: «А людям-то каково?»

А люди жили спокойно, привыкли. Ходят в масках-респираторах, некоторые даже очень довольны. К примеру, экономист Цыплятов был с детства очень конопатым и стеснялся из-за этого знакомиться с девушками. А теперь не видно этого недостатка. Ходит экономист на танцы, живет полноценной жизнью.

Правда, с трудом приспосабливалась к респиратору Клавдия Ивановна Яблонская. Проработала она тридцать три года дояркой, пошла на заслуженный отдых. Стирает теперь круглый день занавески, моет грязные окна. А за окном — однообразный цементный пейзаж, серое небо...

— Га-га-га! — кричат гуси.— Если положение не изменится, мы вряд ли сюда вернемся! У нас от этой пыли нервы расшатываются... Га-га-га!

И вот теперь гляжу я в голубое небо и думаю: есть ли сдвиги к лучшему, легче ли стало дышать птицам?

Владлен БАХНОВ

ОПЕРАЦИЯ «ЗАВИСТЬ»

Рассказ

1

Зарайский закрыл окно и посмотрел на часы. Без пяти восемь. Через пять минут появится этот тип.

— Привет! — послышалось за спиной у Зарайского. — Ваши часики отстают.

Виктор обернулся. Молодой человек со стандартной бородкой сидел, непринужденно развалившись в кресле, и, сверкая обаятельной улыбкой, протягивал Зарайскому сигареты «Кемел».

— Вы могли бы постучать, прежде чем войти, — сухо заметил Виктор.

— Мог бы, — легко согласился молодой человек. — Я мог вообще войти в дверь, а не появиться вот так, — он неопределенно пошевелил пальцами, — из эфира...

— Стараетесь поразить меня? — снисходительно улыбнулся Зарайский.

— И стараюсь неплохо... — Зарайский не уловил того мгновения, когда розовощекий молодой человек превратился в хилого старика в чалме и полосатом восточном халате. В руках у седобородого старца дымился изогнутый мундштук кальяна.

— Я стараюсь в меру сил своих, о талантливейший из талантливейших. Но я стар, а ты молод и вооружен передовыми научными взглядами. Будь же снисходителен к усталому, дряхлому джинну, о младший научный сотрудник...

Разговор этот продолжался не первый день. И начался он так...

В душный летний вечер, когда в десятый раз показалось, что работа окончательно зашла в тупик, в этот вечер Закопаев с Калинычем ушли, а Виктор остался в лаборатории.

— Черт побери! — стукнул кулаком о подоконник Зарайский.

И в лаборатории возник незнакомец.

— Чего тут прибрать нужно? — голосом разбитного водопроводчика спросил он, с интересом оглядывая помещение.

— Кто вы такой? — удивился Виктор.

— Тот, кого вызывали. — И незнакомец весело подмигнул.

— Ах, вы новый слесарь? — догадался Зарайский. — Вас Закопаев вызывал?

— Ну, нехай будет слесарь, нехай Закопаев... Только вообще-то я черт...

— Знаете, мне сейчас не до шуток! — Зарайский с досадой отвернулся к окну.

— Знаю, дорогой мой, знаю... — произнес тихий, вежливый голос.

Виктор резко обернулся. Там, где только что находился слесарь, стоял седой сутулый человек и протирал очки.

— Если не ошибаюсь, это лаборатория Закопаева? — близоруко щурясь, спросил он. — А вы Зарайский, Виктор Иванович? Наслышан о ваших опытах. Очень приятно познакомиться! — Мягко улыбаясь, незнакомец протянул руку: — Мефодий Кириллович. Черт.

— Ну что вы заладили: черт, черт! — рассердился Виктор. — Ведь не смешно! Уходите!

— Но мне необходимо с вами поговорить...

— В другой раз.

— Когда именно? — уточнил черт.

— Через неделю... Только исчезните!

— Уже! — И комната наполнилась пустотой...

«Докатился! — подумал, протирая глаза Зарайский. — Уж черти стали наяву мерещиться! Расскажу ребятам, пусть повеселятся».

— Ни в коем случае! — воскликнул, снова материализуясь, черт. — Убедительно прошу вас никого не информировать о нашей беседе. Ни-ко-го! — И Мефодий Кириллович растаял.

А в ту же ночь по направлению к созвездию Лебедя понеслись никем не перехваченные сигналы: «Центр. Самому. Начал операцию «Зависть». События развиваются согласно намеченному вами плану. Глафира».

II

Он появился ровно через неделю... Зарайский ехал в своем авто — стареньком «Москвиче», когда раздался резкий милицейский свисток. Виктор нажал на тормоза. Перед машиной стоял подтянутый инспектор ГАИ.

— Вы, простите, не к центру едете? — спросил, козырнув, инспектор.

Милиционер сел рядом и, хлопнув дверцей, сказал:

— Ну вот, неделька прошла. Здравствуйте, я Мефодий Кириллович...

Хорошо, что Зарайский не успел включить скорость, иначе он врезался бы в проезжавший мимо грузовик.

— Вы что, с ума сошли?! — вспылил Виктор. — Не видите, что я за рулем?! Убирайтесь из машины!

— Ну, знаете, на работе к вам не подступись, в машине тоже... — обиделся черт. — Где же с вами говорить прикажете?

— Да о чем нам разговаривать? Что вам от меня нужно?

— Уж что-нибудь да нужно, раз я за вами по всему городу гоняюсь, я ведь тоже не мальчик... — Черт обиженно засопел, потом примирительно сказал:

— Ну, лады, погомонили и будя. Теперича, как говорится, сядем рядком, поговорим ладком.

Теперь черт превратился в этакого литературно-деревенского деда. И хоть день стоял жаркий, на ногах у деда были латаные валенки, а на голове — треух, правое ухо которого свешивалось вниз, а левое тянулось кверху.

— Так что же вам от меня нужно, Мефодий Кириллович? — спросил Зарайский, разглядывая преобразившегося черта. — Только быстрей!

— Быстро робят — слепо родят! — строго одернул дед. — А у нас дело сурьезное... Тут вот какое, значится, дело... Ты прямо скажи: есть в тебе вечная душа или, окромя материи, ни из чего ты не состоишь?

— Да, дедуля, весь я — одна материя, — развел руками Зарайский.

— Значит, так и запишем: души не имеется, — удовлетворенно сказал черт, старательно скручивая козью ножку. — А теперь скажи мне вот что: ежели бы, к примеру сказать, нашелся бы такой — хе-хе! — дурак и согласился бы купить ту самую душу, которой у тебя нет, ты бы ее этому дураку продал?

— А почему вам понадобилась именно моя душа? Ага, понимаю: вам стало известно, над чем работает наша группа?

— А ты как думал? Хотите со своим Закопаевым да Калинычем человечество осчастливить? Ох-хо-хо!

— И осчастливим! — с вызовом сказал Зарайский.

— Все может быть... — не стал спорить Мефодий Кириллович. — Ну, а как насчет купли-продажи?

— Не выйдет! — твердо ответил Виктор. — Наша фирма не торгует!

— А ты, милок, не горячись. Наша фирма тоже не с каждым торгует. Так что ты подумай, а я к тебе на недельке заскочу... Чао!

...И ночью снова к созвездию Лебедя понеслись загадочные сигналы: «Центр. Самому. Продолжение следует. Глафира».

III

Все лето Мефодий Кириллович наведывался к Зарайскому. Он предлагал, убеждал, уговаривал, просто канючил, умоляя продать ему душу.

И Виктор сдался.

— Хорошо. У меня появилась идейка. Может, и сторгуемся, — сказал он.

— Ну, ну? — нетерпеливо спросил черт.

— Вам известно, над чем наша группа работает. Вам также известно о наших трудностях: истина где-то рядом, а мы все ходим вокруг... Так вот условие: вы помогаете завершить нам работу и получаете мою душу.

Мефодий Кириллович вздохнул.

— Я боялся, что вы предложите именно этот вариант, — сокрушенно сказал он. — Но, увы, наша фирма не имеет права подсказывать решение научных проблем. Однако я уполномочен сделать вам необычное предложение. Вы, конечно, знаете, что ваша работа имеет непреходящее значение. И если бы вам удалось довести ее до конца, вы сразу стали бы одним из самых выдающихся ученых на планете. Вас ждала бы всемирная известность...

— Короче, — попросил ученый.

— Так вот, я предлагаю вам именно такое всеобщее признание, как если бы вы свое открытие уже совершили, — торжественно проговорил Мефодий Кириллович.

— Нет, нет, мне это не нужно, — отказался Виктор.

— Не горячитесь. Представьте себе, какое положение вы займете в науке. Да с вашим мировым авторитетом вы сумеете создать своей группе такие условия, о которых сейчас и мечтать не можете.

— Вы меня искушаете... — улыбнулся Зарайский.

— Разумеется! У вас будет свой научный центр, неограниченный бюджет, талантливейшие сотрудники. Да при таких условиях вы доведете до благополучного конца вашу работу!

— Ну а как я объясню друзьям свой неожиданный взлет?

— Вас никто ни о чем не будет спрашивать. Во-первых, это оговорено контрактом. — И черт достал из кожаной папки отпечатанный на меловой бумаге документ. — А во-вторых, чем больше знаменит человек, тем меньше сомнений вызывает его слава...

— Но сам-то я буду знать, что слава моя ничего не стоит?

— Ну, сами с собой вы как-нибудь поладите. — И черт успокаивающе похлопал Виктора по плечу.

Зарайский подумал, с каким трудом Закопаев добывал их жалкую аппаратуру... Подумал, что он, Виктор, действительно может оказать друзьям настоящую помощь. В конце концов для науки можно пожертвовать и душой!

И в тот момент, когда ученый ставил под контрактом свою подпись, в космос понеслось донесение: «Дела идут, контора пишет. Глафира».

IV

Черт не обманул. Все было так, как он обещал. И слава и почести. И везде, где произносили его имя — товарищ Зарайский, мистер Зарайский, герр Зарайский, мсье Зарайский, — всюду в ответ слышалось восхищенное: «Ах!» И товарищ, мсье, сеньор Зарайский представительствовал, председательствовал, заседал и давал интервью.

А еще он, если оставалось время, руководил, координировал, возглавлял и в свободные минуты даже занимался наукой. Иногда он заходил в лабораторию к Закопаеву. Новая лаборатория занимала теперь два этажа, и в каждой комнате, оборудованной новейшей аппаратурой, было больше сотрудников, чем прежде во всей лаборатории.

Ах, молодость, далекая молодость!.. Впрочем, какая же она далекая? Еще три года назад младший научный сотрудник Зарайский не мог и подумать, как изменится его судьба.

Конечно, Закопаев был талантливым человеком. Но руководить такой солидной лабораторией должен был по меньшей мере доктор. Ничего не попишешь — формализм. Так в лаборатории появился новый заведующий, а у Закопаева снова осталась одна комната...

Мефодий Кириллович не обманул: Виктор дьявольски преуспевал. На лице его было написано: «Я преуспеваю». Его улыбка, походка, жесты — все говорило о преуспеянии и благополучии... И только глаза — глаза выдавали, что он неудачник. Но он прятал их за стеклами модных очков. Таких модных, какие могут достать только очень преуспевающие люди...

Ах, чертов Мефодий, он все-таки перехитрил Зарайского! Ну что за радость считаться прославленным и великим, если сам помнишь, что ты никто? А Виктор Иванович помнил. И когда заседал и когда возглавлял — помнил, что все это так, незаправду!

Ах, чертов Мефодий! Да, он обещал, и никто ни о чем Зарайского не расспрашивал. Только Закопаев в случайном разговоре сказал:

— Неужели ты никогда не спустишься со своего административного Олимпа? Ты же умел работать!

И Виктор промолчал, но затаил обиду. Он пожертвовал ради науки всем, и его же упрекают. Он пожертвовал собой, а Закопаев доведет их работу до конца, и вся слава — настоящая слава — достанется ему! А он, Зарайский, так и останется никем!

Да, чертов Мефодий не обещал Зарайскому избавить его от зависти. И маститый ученый завидовал любому аспиранту. А еще он испытывал тихую радость, когда ему удавалось едким скептическим замечанием зачеркнуть весь успех какого-нибудь везунчика. Пришли, понимаешь, на все готовое, и сразу успех? Нет уж!..

V

В тот день Закопаев задержался в кабинете Зарайского после бесконечно долгого ученого совета.

— Что происходит? — сразу же начал он. — Скажи мне, Витя, что происходит у нас в институте?

— Что ты имеешь в виду? — холодно спросил Виктор.

— От нас ушли все талантливые люди. Ты встречаешь с каким-то тупым высокомерием любую новую мысль, если она, конечно, не твоя собственная. А наша тема? Она вообще отошла на десятый план.

— Правильно! — спокойно кивнул Зарайский. — Но ведь этой темой занимаешься ты, а не я. Я дал тебе оборудование, дал людей... Но не могу же я за тебя шевелить мозгами. На мне — институт!

— Ты сделай так, чтобы в этом институте можно было работать, а не молиться на твой научный авторитет!

Зарайскому захотелось ответить как можно обидней. И он знал, как это сделать.

— А тебе не кажется, Закопаев, что ты мне просто завидуешь? Тебе не кажется, что тема наша — вернее, твоя — дохлая, надуманная тема? Ведь если бы я не прикрывал своим научным авторитетом твою тему, ее давно бы уже закрыли!

Закопаев медленно раздавил в массивной пепельнице окурок.

— Мне больше нечего делать в твоем храме науки, Витя, — сказал он.

VI

Через два дня появился приказ об увольнении Закопаева по собственному желанию. Тему его как абсолютно бесперспективную из плана вычеркнули. Приказ был подписан заместителем Зарайского, а сам ученый ехал в это время в мягком вагоне, направляясь представительствовать на очередном симпозиуме.

Высокая, стройная проводница неслышно вошла в купе.

— Благодарю вас, все было сделано наилучшим образом, — шепнула она.

— Что сделано? Кто вы? — вздрогнул от неожиданности Виктор.

— Мефодий Кириллович, кто же еще? — мило улыбнулась проводница. — Ну как, слава еще вам не надоела?

— Осточертела! Почему вы не сделали так, чтобы я действительно считал себя талантливым ученым?

— Да сделай я так, вы не стали бы завидовать настоящим талантам. А не завидуя, не совершили бы того, что нашей фирме требовалось.

— Да что вам требовалось наконец?

— Чтобы вы помешали Закопаеву довести до конца его работу — только и всего.

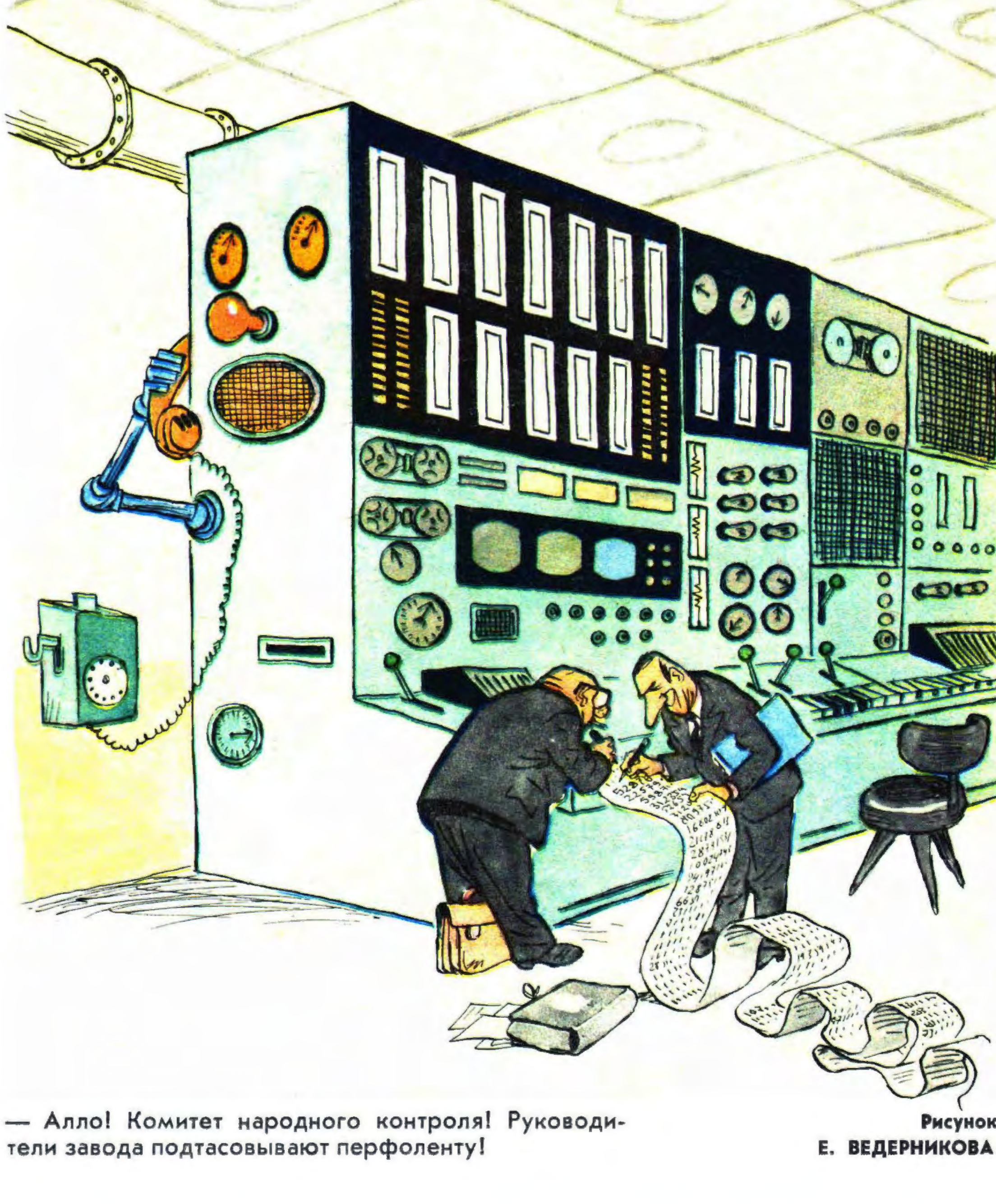
— И ради этого я отдал вам свою душу? — выкрикнул Виктор.

— Ах да, насчет души. — Мефодий Кириллович презрительно посмотрел на Зарайского. — Вот подписанный вами контракт. Можете порвать его. Если душа у вас есть, можете оставить ее себе. Нашей фирме она ни к чему.

— А как же будет с моей славой? — похолодев, спросил Зарайский.

— Ну что ж, славой пока можете пользоваться. — И проводница, мило улыбнувшись, растаяла.

А в межпланетное пространство понеслась очередная шифровка: «Центр. Самому. Операция завершена. Целую».



— Алло! Комитет народного контроля! Руководители завода подтасовывают перфоленту!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВОЙ

Мих. РАСКАТОВ

Слово о слове

Это, может, и не ново,
Но задумайтесь
чуть-чуть:
Что такое слово
«СЛОВО»!
В чем же в слове
«СЛОВО» суть!
Я формально
вам отвечу,
Как обычно говорю:
Слово — единица речи,
Так сказать, по словарю.
Может, кто-то удивится,
Хоть как будто
суть ясна...
Да, простая единица,
Но известно, что она:
Та, что молвят,
Та, что пишут,
Что берут и что дают,
Та, что держат,
Та, что слышат,
Что хранят и берегут,
Что кидают и бросают
В гневе или похвальбе,
Изрекают и вставляют,
Или держат при себе...
И, конечно, повсеместно
Людям, всем до одного,
Испокон веков
известно:

Слово дал — держи его!
Так держи, чтоб руки
стыли,
Так, чтоб зубы
не разжать!
Так, чтоб люди
говорили:
Слово дал — сумей
сдержать!
...Но встречается,
не скрою,
Уцелевший с коих пор,
Тот, кого зовут порою:
Пустозвон, болтун, фразер.
Тот, кто щедро и умело,
Призадумавшись едва,
Производит
вместо дела
Лишь слова, слова,
слова...
Тот, кто любит
словом ухнуть,

Насвистеть,
нагородить,
Молвить, ляпнуть,
трахнуть, бухнуть,
Наплести и отмочить,
Поболтать и покалякать,
Подзагнуть и намолоть,
Потрепаться,
побалакать,
Брякнуть, выдать,
отколоть,
Сказануть
и откаблучить,
Посулить, присочинить,
Набрехать
и отчубучить,
Сбрендить, тявкнуть
и отбрить!
Словно высшим
достижением,
Он гордится, лих
и рьян,
Мощным
словоизвержением,
Как негаснущий вулкан.
Он грохочет
голословно,
И, как видно, оттого
Он без слова — голый
словно:
Нет за словом ничего!

Юрий ФЕОФАНОВ

ДИАЛОГ С ПЛАТОНОМ

Не успел я заикнуться о греках, как Платон Сергеевич оживился:

— Как же, слышал... В гречском зале... в гречском зале... Ну, Райкин, ну, дает!

— Вообще смешно, да я не о том... не о тех...

— О! — Платон Сергеевич схватил меня за пуговицу.— Еще? Забыл только, как называется. Там один поддатый спрашивает: «В Греции тигры есть?»; другой поддатый: «В Греции все есть». Обхохочешься.

Словом, как только помянул я Элладу, эрудиция забила фонтаном. А так собеседник мой больше молчал. Еще когда Елену Матвеевну, нынешнюю жену, упоминали в разговоре, Платон Сергеевич вскидывался:

— Эх, видать, такая моя планида. Но если вы захотите, вы эту стерьву на чистую воду вытащите. И невинно пострадавшего спасете.— Тут Платон Сергеевич прослезился и добавил:—Вот судьба, вот злодейка!

Я хотел было сказать, что, мол, в Древней Греции что бы с человеком ни случилось, точно знали — судьба. Фáтум. Рок. Тебя ограбили — боги всемогущие виноваты, ты кого обокрал — опять же пусть жертва с них спрашивает. Потому что все заранее в книге судеб было записано и разыгрывалось по персональным жизненным сценариям. Только я начал свой заход, припоминая цитату из великого философа Платона, как собеседник мой Платон Сергеевич Смирный из города Ленинграда снова развеселился:

— Ну как же, в гречском зале... в гречском...

Да, смех-то смехом, но дело у Платона сложное: «Прошу вашего вмешательства и принять срочные меры». Так заканчивается письмо П. С. Смирного. И вот он сам сидит передо мной и требует принятия срочных мер: а) к «этой стерьве», б) к загсу, в) к паспортному столу милиции.

— Значит,— уточнил я, когда мы перешли к сути его жалобы,— все началось после того, как вы разошлись с вашей первой женой?

— Точно. Десять лет душа в душу. И вот... голубица моя... бросила. С горя-то разве можно не выпить?

— Вообще-то можно и не выпить...

— Значит, неделю грущу, как полагается, с водочкой. А до получки еще неделя — ее как грустить прикажете? Она тут и подкатилась, стерьва. «На вас,— говорит,— Платон Сергеевич, лица нет, может, опохмелиться желаете?»

(В письме Платон Сергеевич эту встречу описывает так: «Елена Матвеевна, 1946 года рождения, решила спекульнуть на моем несчастье и, когда я был после выпивки, пришла».)

— Душевная, выходит, женщина,— вставил я.

— Только она это, с прицелом. Вздумала рубаху мне постирать. От вас, говорит, Платон Сергеевич, ароматом веет. Ну я рубаху-то скинул, ничего не подозревая.

(Из письма П. С. Смирного: «На следующий день, постирав мне новую рубашку, которая через неделю почему-то расползлась, мы за один час совершили то, что теперь все называют законным браком».)

— Но вы в загсе расписались? Заявление подавали?

— Иначе не зарегистрируют.

— Так в чем же дело?

— А в том, как писал я заявление — не помню, подпоила она меня... Значит, это и свершилось совсем помимо моей воли. Как это вы называли-то?

— Рок.

— Он, гад!

— Ну, хорошо. Вернее, не очень, конечно, хорошо, если без любви. Но знаете пословицу: стерпится — слюбится?

— Пословица жизненная. Да я ж, оказывается, не только расписался с ней. На свою законную жилплощадь ее прописал! Вот он где ваш этот...

— Фатум?

— Он. Ведь после загса еще неделю гуляли. И она воспользовалась моей, можно сказать, беспомощностью.

(Из письма: «Через неделю она переехала ко мне с диваном, бельем и табуреткой».)

— Ну, прописали ее к себе. Так ведь — жена. Законная. Положено вместе жить.

— Вместе! — горестно вздохнул Платон.— Вместе. Вот тут самое и началось... Как-то просыпаюсь... Понятно, голова, как чугун. Огляделся, испить бы чего. И вижу...

Тут Платон Сергеевич махнул в отчаянии рукой, всхлипнул... Придется цитировать собственноручное его письмо, которое все время лежит между мной и автором.

(«Я вспомнил, что вечером того дня ко мне приходили двое незнакомых молодых парней, один из них — Олег. Этот Олег прикинулся, что хорошо меня знает, и предложил устроить новоселье. Я хоть его вовсе и не знал, но с новосельем согласился. Все было вежливо, спокойно, и я был рад нашему знакомству. Тем более, он играл на рояле, который у меня был. Потом я, значит, заснул, а когда проснулся с больной головой, то оказалось: я сплю не со своей женой, с которой расписался обманным путем, а один, хотя и на кровати. А они вместе с моей женой на диване. Я, увидев это, разволновался, выпил, что осталось, но по причине слабого здоровья и моей брезгливости решительных мер не принял. Ушел. А когда вернулся, их уже не было».)

— Да, тут, как говорится, «финита ля комедия».

— Что? — переспросил Платон Сергеевич.

— В чужом пиру похмелье.

— Точно.

— А с другой стороны, может, и к лучшему? Разведетесь — и кончен бал.

— А жилплощадь? Когда она вернулась недели через три, я спросил, как она расценивает свое поведение. А она говорит, что у них с Олегом взаимность, но опять же мою жилплощадь терять не хочет. Говорили мы, говорили, а потом выпили, и тут начались еще большие несчастья.

— Что ж еще-то?

— Как в память пришел, гляжу: обстановка незнакомая. Потом выяснилось, что я в вытрезвителе. И еще — пятнадцать суток. Так она вместо того, чтобы чего поесть-выпить принести, о выписке меня с жилплощади хлопотала. Спасибо, отказали. Конфликт у них с Олегом вышел. А я опять же виноватым оказался. Эта стерьва на меня ругаться стала, что я их жизнь разбил, потому как ему тоже прописка нужна, а меня не выписывают. Вот до чего довели они меня! И вещи у меня стали исчезать, я вот остался с гардеробом, который на мне.

— Она и воровка?

— Нет, этого не скажу. Но мне по причине переживаний надо же с горя. Если горе, без этого не переживешь. Хочешь не хочешь, а выпьешь.

— Но гардероб-то при чем?

— Так ее, заразу, бесплатно пока еще не выдают.

— Водку, что ли?

— Так и пива не дают...

— Жена ж тут не виновата.

— А кто же? Ваш, что ли... тезка мой?

— Ладно, Платон Сергеевич, а что же вы все-таки от меня хотите?

— Там в письме написано.

Написано: «Дорогая редакция, посоветуйте, что мне делать, так как у меня нет сил противостоять этой циничной искательнице чужой жилплощади. Я подавал заявление в суд, но мне отказали, так как я добровольно женился на моей нынешней жене и сам ее прописал. А какое же это добровольно, когда я ничего не помню и ко всем материальным потерям это обошлось мне переднего зуба и разбитой губы со стороны этой так называемой жены и законной супруги».

— Так что мне с вами делать, Платон Сергеевич?

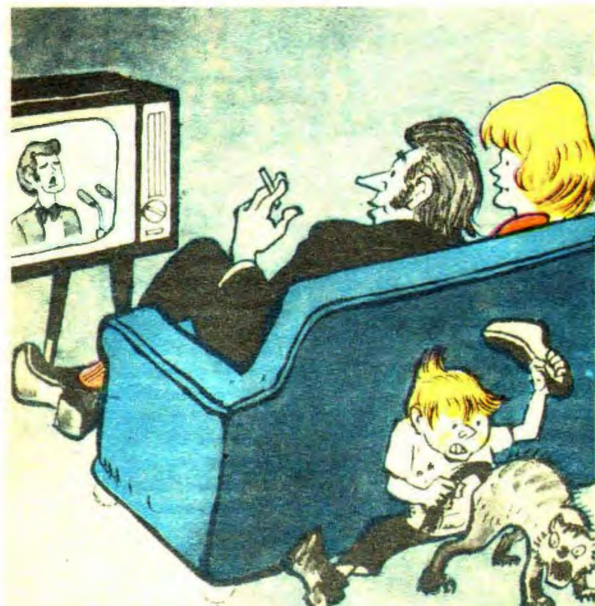
— Как что? Меры к ней надо принять.

Наш содержательный диалог зашел в тупик. Я тупо смотрел на Платона, Платон столь же тупо смотрел на меня.

— Вот в Древней Греции,— начал было я, но спохватился. Конечно, боги-олимпийцы проделывали со смертными разные каверзные штуки. По пьянке женить кого-то на ком-то — это всемогущие небожители могли устроить и, кажется, устраивали: просыпался сын древней Эллады—и уже обвенчан, а как, не помнил. Но чтобы через паспортный стол прописать на свою жилплощадь богом данную супругу и этого не помнить — такого еще не бывало. Даже в Греции, столь обожаемой моим собеседником.

Все это я ему и высказал. Присовокупив, что хоть Платон Сергеевич и представляет собой священную особу жалобщика, которому я обязан помогать, но истина все же дороже.

— Выходит, на нее и управы нет?! Сами пишете, что человек своей судьбы хозяин. А я кто?



ПРОГЛЯДЕЛИ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«РАДУЖНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ»

В одноименном фельетоне С. Спасского («Крокодил» № 4) речь шла о низком качестве мебели, выпускаемой предприятиями объединения «Дальлесдрев» Министерства лесной промышленности СССР.

Как сообщает заместитель председателя Хабаровского крайисполкома тов. И. Романов, устаревшие виды мебели сняты с производства и заменены современными моделями. На директора фабрики мягкой мебели А. Куликова и старшего контрольного мастера И. Ломако наложены партийные взыскания.

За ущерб, причиненный предприятию в связи с ремонтом бракованных изделий, на бывшего директора Лазовской мебельной фабрики В. Кориева, главного инженера А. Шилова и старшего контрольного мастера В. Бунакову произведены денежные начеты.

Для более полного удовлетворения спроса населения на мебель строятся мебельные цехи в городах Амурске и Комсомольске-на-Амуре.

«ШТРАФНОЕ МАСЛО»

В фельетоне Н. Квитко под таким названием («Крокодил» № 1) рассказывалось, что Одесский хладокомбинат систематически получает с Тарутинского, Березовского, Любашевского, Великомихайловского и Николаевского заводов сливочное масло завышенной сортности. Так, только в первом полугодии 1974 года одесский госарбитраж 56 раз выносил постановления о взыскании штрафов с заводов. Штрафы платили, а масло продолжали выпускать низкого качества.

Как сообщает министр мясной и молочной промышленности УССР тов. А. Сенников, разработаны меры, обеспечивающие постоянный контроль за качеством и сортировкой сырья. На руководителей предприятий, допустивших выпуск низкосортной продукции, наложены административные взыскания и произведены денежные начеты за причиненные заводам убытки. Директора Тарутинского, Николаевского и Любашевского заводов с работы сняты. Начальник Одесского управления молочной промышленности тов. Терзиев освобожден от занимаемой должности.

«ШЕФ НА ЧАС»

Так назывался фельетон В. Канаева, опубликованный в № 3 «Крокодила».

Секретарь Подольского горкома КПСС тов. В. Пестов сообщил редакции, что фельетон обсужден на бюро ГК КПСС. За бесконтрольность, искажение государственной отчетности, бесхозяйственность, допущенные А. А. Осадчим в бытность его работы директором экспериментального хозяйства «Кленово-Чегодаево», бюро ГК КПСС объявило ему строгий выговор с занесением в учетную карточку.

За проявленную беспринципность, выразившуюся в приеме на руководящую работу А. А. Осадчего без достаточной проверки его деловых качеств, директору Всесоюзного научно-исследовательского института животноводства тов. Л. К. Эрнст поставлено на вид.

черным по белому

— Карпуша, как назовем ребенка?

Рисунок М. УШАЦА

Рисунок В. ШКАРБАНА

— Да вы не волнуйтесь! Никаких электрических рыб здесь нет.

Рисунок В. МОХОВА

Лев ЛОГИНОВ

НАУЧНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Рассказ

Ниткин сидел на табуретке около многошпиндельного станка. Сидел, как всегда, задумавшись.

— Опять отдыхаете? — строго спросил я Ниткина. — Все работают, а вам заняться нечем?

— Что вы! — зашевелился Ниткин. — Дел по горло. Только не могу я работать по старинке. Хочу внедрить научные принципы.

— Правильно! — похвалил я Ниткина. — Производительность труда давно пора повысить. Хотя бы до среднего уровня. Начните с эстетики.

— Вот здесь, — обрадовался Ниткин, — я занавесочки повешу. Батистовые с вышивкой. Столик с заготовками отодвину и поставлю горшки с геранью. И обязательно лимонное дерево. В электросварочном закажу клетку для чижей и попугаев. А под станок ежей напущу.

Одобрив идеи Ниткина в целом, я все же сказал ему:

— На ежей бы не наступить!

— Ни за что! В такой обстановке я буду внимателен, требователен к себе. Не то что сейчас!

Пока я удивлялся сообразительности Ниткина, он продолжал:

— Но одной эстетики недостаточно. Нужно устранить все лишние движения. Сократить отлучки с рабочего места. Ликвидировать прогулки.

— И как можно скорее, — согласился я.

— Вот этот шкафчик для инструмента, — рассуждал Ниткин, — нужно будет переоборудовать в буфет. Пусть всегда под рукой имеются сухарики, кофе, брынза, сыр. В специальном отделении кипятильник. А если станок развернуть и подвинуть, то освобождается место для курения.

— Ну, Ниткин! — Я все больше приходил в восторг от его изобретательности. — Вы легко можете стать самым лучшим на заводе.

Ниткин встал. Обошел многошпиндельный. Похлопал его по зеленоватым бокам и сказал:

— Можно стать лучшим. Даже наилучшим! Но для этого необходимо добиться четкой ритмичности в работе. Ликвидировать монотонность труда.

— Хорошо бы, но как?

— При помощи музыки. Специально подобранной. В магнитофонной записи. Танцевальные ритмы в конце квартала. Песни на слова Роберта Рождественского в середине планового периода. Романсы в исполнении Сличенко в начале.

— Очень логично, — сказал я Ниткину. — Действуйте.

Прошел месяц. Ниткин сидел в кресле около многошпиндельного станка. Сидел, как всегда, сложа руки. Задумавшись.

— Опять отдыхаете? — очень строго спросил я Ниткина, так как по-прежнему был его непосредственным начальником. — Лимон бы полили. Занавески простирнули. Ежей накормили. Пепельницы вытряхнули. Тахту почистили...

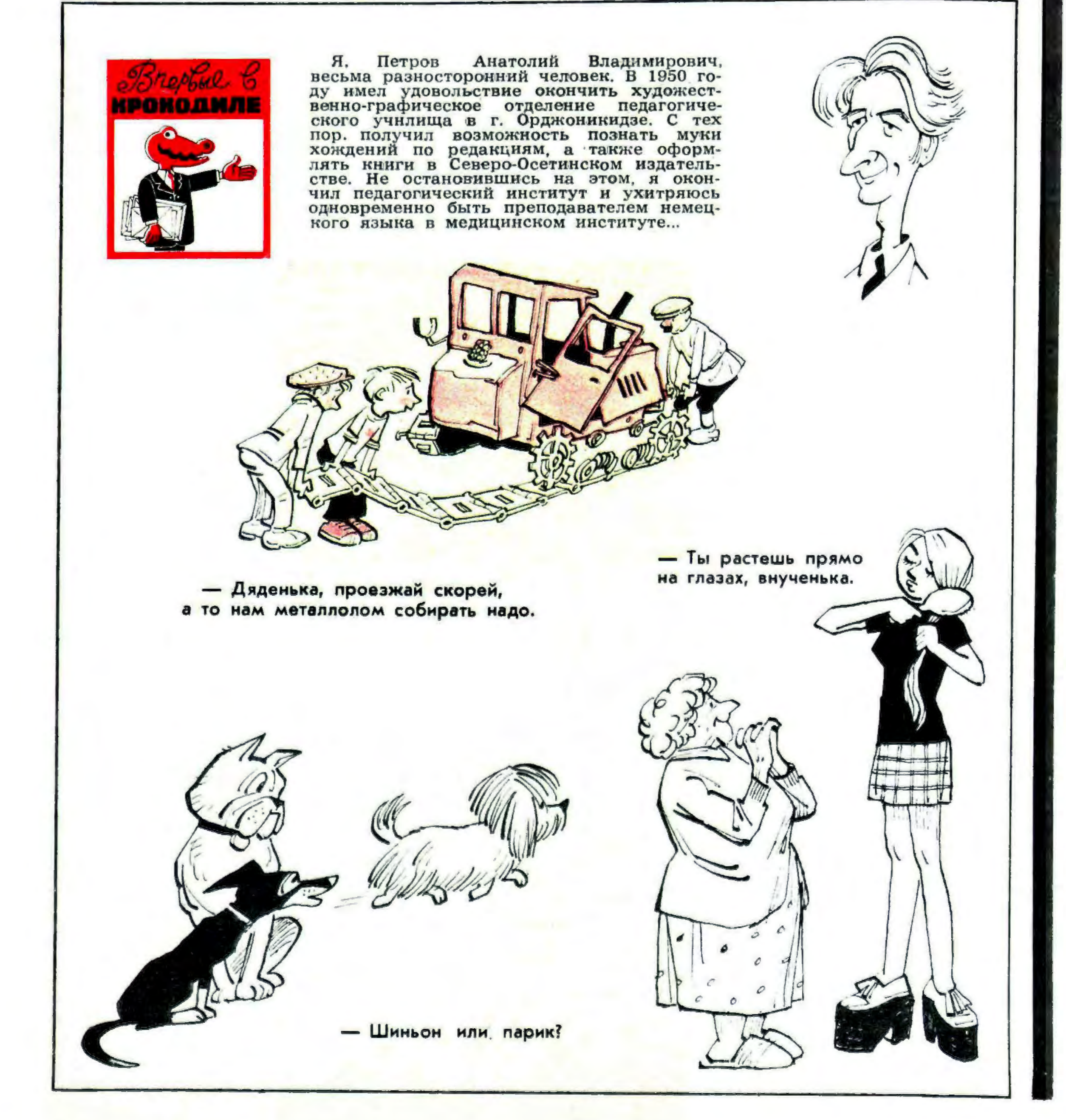
— Не могу я работать, — отвечал Ниткин, — когда принципы научной организации труда внедрены не полностью.

— Неужели чего-нибудь не хватает?

— Психологический климат не тот! Вот, например, вы со мной очень строго разговариваете. Портите настроение. Снижаете производительность. Надо бы вас уволить...

«Ну, это вы бросьте!» — хотел я прикрикнуть на Ниткина, но смолчал.

А вдруг он, как всегда, прав?..



Я, Петров Анатолий Владимирович, весьма разносторонний человек. В 1950 году имел удовольствие окончить художественно-графическое отделение педагогического училища в г. Орджоникидзе. С тех пор. получил возможность познать муки хождений по редакциям, а также оформлять книги в Северо-Осетинском издательстве. Не остановившись на этом, я окончил педагогический институт и ухитряюсь одновременно быть преподавателем немецкого языка в медицинском институте...

— Дяденька, проезжай скорей, а то нам металлолом собирать надо.

— Ты растешь прямо на глазах, внученька.

— Шиньон или парик?

Виктор АРДОВ

ПОЛИЦЕЙСКИЕ И ВОРЫ

Газеты сообщили об одном занятном факте, который произошел в итальянском городе Модена Именно там...

Впрочем, попытаемся изложить дело поподробнее.

В приемную тюрьмы Модены скромно вошли двое: тучный невысокий полицейский в чине сержанта и длинный худой субъект, одетый почти в лохмотья, небритый и давно не стриженный. Руки у субъекта скованы наручниками. Обувь прохудилась. На платье — заплаты и дыры...

Дежурный надзиратель поднял голову от стола, за которым он изучал какие-то бумаги.

— Здравия желаю, синьоре капитано! — громко произнес полицейский и, как положено, приложил к виску развернутую ладонь правой руки.

— Привет. Зачем пожаловали?

— Вот, привел вам арестанта. Схлопотал месяц за кражу связки бананов. Все документы со мной.

— Документы у тебя есть, а у меня камеры нет.

— Помилуйте, синьоре капитано! Мы ведь не просим для него какую-нибудь там одиночку. Суньте его куда-нибудь в общую комна... то есть, я извиняюсь, в общую камеру...

— Ха! «Одиночку», говоришь? У нас давно уже в каждой одиночке сидят по трое, по четверо. А в общих камерах — к параше, простите за упоминание, очередь, словно на конкурс эстрадной песни. Как говорят импресарио театра или там цирка, «аншлаг-переаншлаг»!

— Как же нам быть?

— А как хотите. Я во всяком случае этого типа не приму. Идите отсюда!

Полицейский со вздохом откозырял и подтолкнул арестованного к дверям. Тот послушно вышел из приемной...

* * *

Через полчаса унылая пара — полицейский и вор — появилась в дежурной комнате полицейской префектуры города. Полицейский обратился к дежурному офицеру:

— Синьоре тененте, честь имею привести к вам арестанта, которому претор нашего района уже имел честь дать... то есть, я извиняюсь, не честь, а неприятность... то есть, извиняюсь, не неприятность, а радость... в общем, месяц тюрьмы ему вмазали, вот этому бродяге. И знаете, за что?

— Зачем мне знать, за что осудили очередного жулика? У меня своих дел хватает! — отозвался дежурный.

— Так точно, синьоре тененте. То есть никак нет. Это тоже будет вашим делом. Ага. Наш начальник участка просит синьоре префекта предоставить возможность этому типу иметь честь отсидеть свой срок в вашей камере. Вот!

Дежурный, широко разинув рот, три раза зевнул, а потом равнодушно сказал:

— Не выйдет ему такой чести. В наших камерах мелкую шушеру не принимают. У нас, знаешь, кто сидит? Крупные мерзавцы. Одних только киднэпперов-детокрадов 25 человек. Понял?

— Ай-ай-ай! — с фальшивым сочувствием проговорил полицейский.

— Вот тебе и ай-ай-ай! Да еще медвежатников тридцать семь персон. Ты знаешь, что такое медвежатники?

— Ну, как же, синьоре тененте, — это потрошители сейфов. Большие специалисты!

— Вот видишь! А ты хочешь, чтобы я их выпустил, а койки в камерах отдал мелким воришкам? Какой же ты после этого патриот?

— Никак нет, тененте. Я имею честь быть настоящим патриотом, только посудите сами: куда же мне деваться с этим субъектом? Уж сделайте мне милость: недолго же он у вас будет сидеть. Каких-нибудь 30 дней и...

— Сказано тебе: нельзя! Налево кругом марш-ш-ш!

Полицейский в силу условного рефлекса мгновенно выполнил команду и обернулся к дверям. А дежурный крикнул еще:

— Не вздумай только оставлять у нас твоего подопечного! Пропусти его вперед, слышишь?!

* * *

Неудачливая парочка бродила по городу до позднего вечера. В половине двенадцатого ночи они в таком же унылом виде появились на улице, выйдя из дверей двенадцатого по счету полицейского участка. Тихо постояли на тротуаре. Затем сержант вздохнул и, отмыкая своим ключом наручники на арестанте, сказал ему с тоскою:

— Видно, ничего у нас с тобой сегодня не выйдет... Ты вот что: ступай пока к себе домой и вообще... живи... А когда с местами заключения будет полегче, я сам за тобой зайду. Только ты не вздумай удирать!

— Что вы, синьоре сердженте! — преданным голосом воскликнул арестованный. — Разве я не понимаю... Вы только мигните — я сейчас же прибегу отсиживать, куда прикажете! Совесть-то у меня есть!

— Совесть есть, а коек в местах заключения совсем нет... Ну, иди, иди, голубчик! Наверное, тебя жена заждалась уже...

— Чао, синьоре сердженте! Чао! А насчет моей жены не беспокойтесь: она давно уже привыкла, что я возвращаюсь поздно...

И, сделав на прощание ручкой приветственный жест, вор затрусил по мостовой в темноту пустынной улицы. А полицейский испустил тяжелый вздох, поглядел на циферблат ручных часов, покачал сокрушенно головою и направился в противоположную сторону...

— Слава богу! Это гости, а не гангстеры!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

НЬЮ-ЙОРК. Как живется собакам, когда люди начинают жаловаться на собачью жизнь? Скверно живется, выть хочется, что и делают американские псы. Огромное количество беспризорных породистых собак с ошейниками бегает сейчас по американским городам, и это тоже одно из проявлений экономического кризиса. Содержать домашних животных — а прежде американцы тратили на кормежку животных 2,5 миллиарда долларов в год — стало многим не по карману. Вот потому и случается сплошь и рядом, что хозяин бродит по городу в поисках работы, а его пес — в поисках пропитания. И оба не находят искомого.

ЛА-ПАС (БОЛИВИЯ). Клаус Барбье, бывший эсэсовский убийца, известный как «палач Лиона», благоденствует в Боливии. Увильнуть от карающей десницы возмездия ему помог боливийский адвокат Каррион. Он заявил корреспондентам: «На войне не ходят в белых перчатках. Вы убиваете столько людей, сколько должны убить. Барбье — культурный человек с высоким чувством ответственности. Он первоклассный гражданин». До встречи с Барбье адвокат Каррион защищал рядовых уголовников. Может быть, он просто сошел с ума от счастья, когда его нанял знаменитый эсэсовский убийца?

Новый порядок в лексиконе

Чилийский фюрер генерал Пиночет филологом, как известно, никогда не был. Ему ближе не литературный язык, а солдафонский. Литературный же доставляет одни неприятности. Особенно злят его термины, которые употребляются для характеристики его режима и его черных дел. Например, такие слова: фашизм, голод, террор, репрессия, облава, обыск, арест, тюрьма, пытка, казнь...

Мешают ему жить и такие царапающие его фюрерский слух понятия, как свобода, права человека, рабочий класс, заработная плата, не говоря уж о совсем нехороших словах — забастовка, демонстрация, классовая борьба...

Как навести порядок в словарном запасе чилийцев? Штыком слово из сознания людей не выковырнешь.

Поначалу пришла Пиночету в голову мысль породнить со своим режимом благозвучные, ласкающие ухо термины. Намешать лингвистический коктейль, чтобы задурманить людям головы. Например, к жесткому слову «режим» прибавить сладкую, опьяняющую «либерализацию». Вот это, подумал Пиночет, будет как раз то, что требуется. Так сказать, приятное с полезным. И сопротивление поможет ослабить и изоляцию смягчить.

Сказано — сделано. Первым актом пиночетовского фарса «Либерализация режима» стало создание «Гражданского движения национального единства». Видите, даже название было придумано близкое к популярному среди чилийцев «Фронту народного единства». Однако это «движение» оказалось несъедобным. Причем виноват в этом сам фюрер. Он недодумал и поставил в первую шеренгу «движения» таких отъявленных негодяев, как руководитель Конфедерации промышленности и торговли Вальдес, председатель Конфедерации владельцев тяжелых грузовиков Вильярин, руководитель Конфедерации меднорудной промышленности Медина... Знакомые чилийскому народу лица. Это они помогли Пиночету дорваться до власти. Какое уж вокруг них сколотишь «национальное единство»? Не единство, а единицы соберутся вокруг такой шайки-лейки.

Видя, что фарс с «либерализацией» аплодисментов не вызывает, Пиночет придумал, как ему показалось, генеральную реформу в области социальной фразеологии. Он отменил название «рабочий класс». Объявил, что в Чили отныне рабочих не будет. Будут только трудящиеся! Все, кто трудится, — трудящиеся. А разве министры не трудятся? А директора промышленных компаний, банков? Значит, все они тоже трудящиеся.

Вот теперь, мечтает Пиночет, эти смутьяны-рабочие задумаются: против кого же бороться за лучшую жизнь? Против «трудящихся»? И наступит классовый мир. И ослабнет сопротивление режиму. Благодать!

Но зачем же останавливаться на достигнутом? Почему бы Пиночету не дать благозвучные названия всем атрибутам своего режима и всем своим черным делам? Мы не удивимся, если он в скором времени прикажет именовать

тюрьму — клубом просвещения,
концлагерь — многодневным домом отдыха,
пытки — разговором по душам,
смертный приговор — путевкой в мир вечного блаженства,
полицейского — духовным наставником,
увольнение — предоставлением долгосрочного отпуска,
и тому подобное.

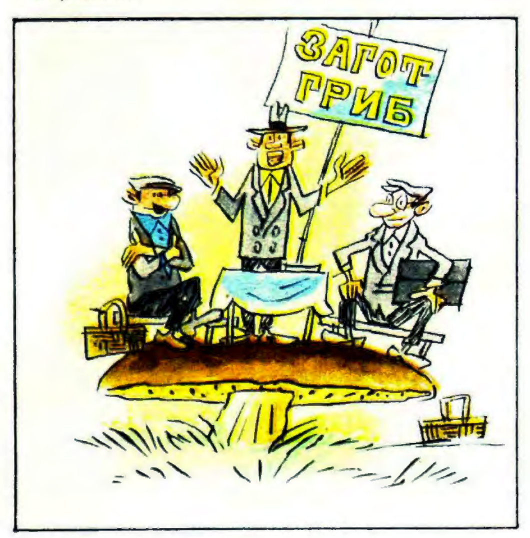
Я, признаться, не вполне уверен в том, что такая операция принесет Пиночету большое облегчение. Но во всяком случае новый лексикон поможет ему подавать самые мрачные его деяния в более благопристойном виде. Сообщение о подавлении забастовки, например, можно будет подать так:

«Вчера трудящийся-директор медеплавильного завода объявил большой группе своих братьев-трудящихся о предоставлении им долгосрочного отпуска. К его удивлению, они не пожелали идти в отпуск. Отряд духовных наставников вынужден был пригласить их в дом отдыха, где и состоялся разговор по душам. Затем большинство трудящихся в сопровождении наставников было направлено в клуб просвещения. Полагают, что некоторым из них будут вручены путевки в мир вечного блаженства».

И если уж эти иносказания не помогут Пиночету, то ему, по-видимому, ничто не поможет.

Н. ШИММЕЛЬ

Собрание...



Прения...

Решение...

Исполнение...

Рисунок И. СЫЧЕВА

Андрей НИКОЛЬСКИЙ

«Зайцы» поневоле

Этой зимой в Новосибирске случай произошел. Можно сказать, чрезвычайное происшествие. Едут пассажиры в автобусе № 39 и ничего особенного не ожидают. И вдруг, понимаете, по радио водитель им объявляет название следующей остановки! Через некоторое время другую объявляет, потом третью, и так всю дорогу.

Ах, мать честная! С чего бы это? Сначала подумали, что, может, водитель пьяный, поговорить захотелось, вот он и выкамаривает. Потом видят: нет. Едет автобус ровно, прохожих не давит, а остановки тем не менее объявляются.

Ну, тут, конечно, пассажиры растерялись. Многие даже стали вылезать не там, где надо, чтобы от греха подальше. И только некоторые, я бы сказал, просто отчаянные головы, которым, наверно, в жизни уже нечего было терять, продолжили маршрут на этом странном автобусе, номер которого сохранился для потомков: НСР-4545.

До сих пор многие очевидцы недоумевают, но объяснить это феноменальное явление так и не могут.

И только в редакции «Крокодила», где перекрещиваются сотни информаций, ответов и разъяснений, наметилась тоненькая ниточка, раздергивающая завесу перед этой тайной. Мы не уверены в своей правоте, но никакой другой версии предложить не можем.

На наш взгляд, началось все это дело с того времени, когда житель города Новосибирска, профессор, доктор технических наук Аркадий Константинович Дюнин прислал в нашу редакцию письмо о неполадках в работе новосибирского транспорта. Письмо очень аргументированное и деловое.

Вообще-то проблема транспорта остра во многих городах, писал профессор, но Новосибирск все-таки огромный индустриальный центр. Тут всё, даже неполадки видны, как под увеличительным стеклом. И усилия работников транспорта тоже видны. Видны-то видны, но не ясно, в какую сторону они направлены: к хорошему или плохому?

Некоторые, конечно, могут удивиться: как это так? Транспортники, вместо того чтобы облегчить участь пассажиров, стремятся им навредить, что ли? По сути дела, выходит, что так. Вот, к примеру, и в далекую Сибирь докатилась блистательная победа конструкторской мысли: вместительные, двухсалонные автобусы «Икарусы». Специально для удобства пассажиров там предусмотрены четыре двери. Когда машины вышли на новосибирские улицы, одна-две двери в них обязательно оказывались закрытыми. А четвертая, передняя дверь во всех автобусах была отгорожена от пассажиров перегородками-самоделками.

Западно-Сибирское территориально-транспортное управление издало приказ, чтобы перегородки были убраны. Однако приказ приказом, а все осталось по-прежнему. Впрочем, не совсем: перегородки появились уже и в трехдверных троллейбусах, где их раньше не было.

Далее профессор Дюнин выдвигает проблему так называемых «призрачных зайцев». Дело в том, что существуют реальные «зайцы», то есть пассажиры, которые билета не имеют и денег за него не платили. Но с появлением касс-автоматов появились многочисленные «призрачные зайцы», то есть те, кто деньги заплатил, но билета все равно не имеет. Это происходит по той причине, что кассы билеты не выдают вообще или выдают «через раз», «через два раза». Чтобы увеличить армию «призрачных зайцев», много стараний прилагают и сами работники транспорта. Они заранее настраивают автоматы так, что те отсекают билеты короче, чем полагается. Таким образом, многие пассажиры получают билет без номера и фактически ничем не могут доказать, что они именно здесь оплатили свой проезд.

Автор в скобках хочет заметить, что новосибирцы не должны присваивать это открытие целиком себе. В московских автобусах давным-давно устраиваются точно такие же фокусы. Какую это дает выгоду и кому она идет — широкой публике, разумеется, не сообщают.

Существует в Новосибирске и проблема остановок, когда таковые почему-то назначаются не перед площадями, а за ними. Непонятно, почему была вдруг упразднена одна из самых популярных и оживленных остановок «Партшкола»,— перед центральной площадью города.

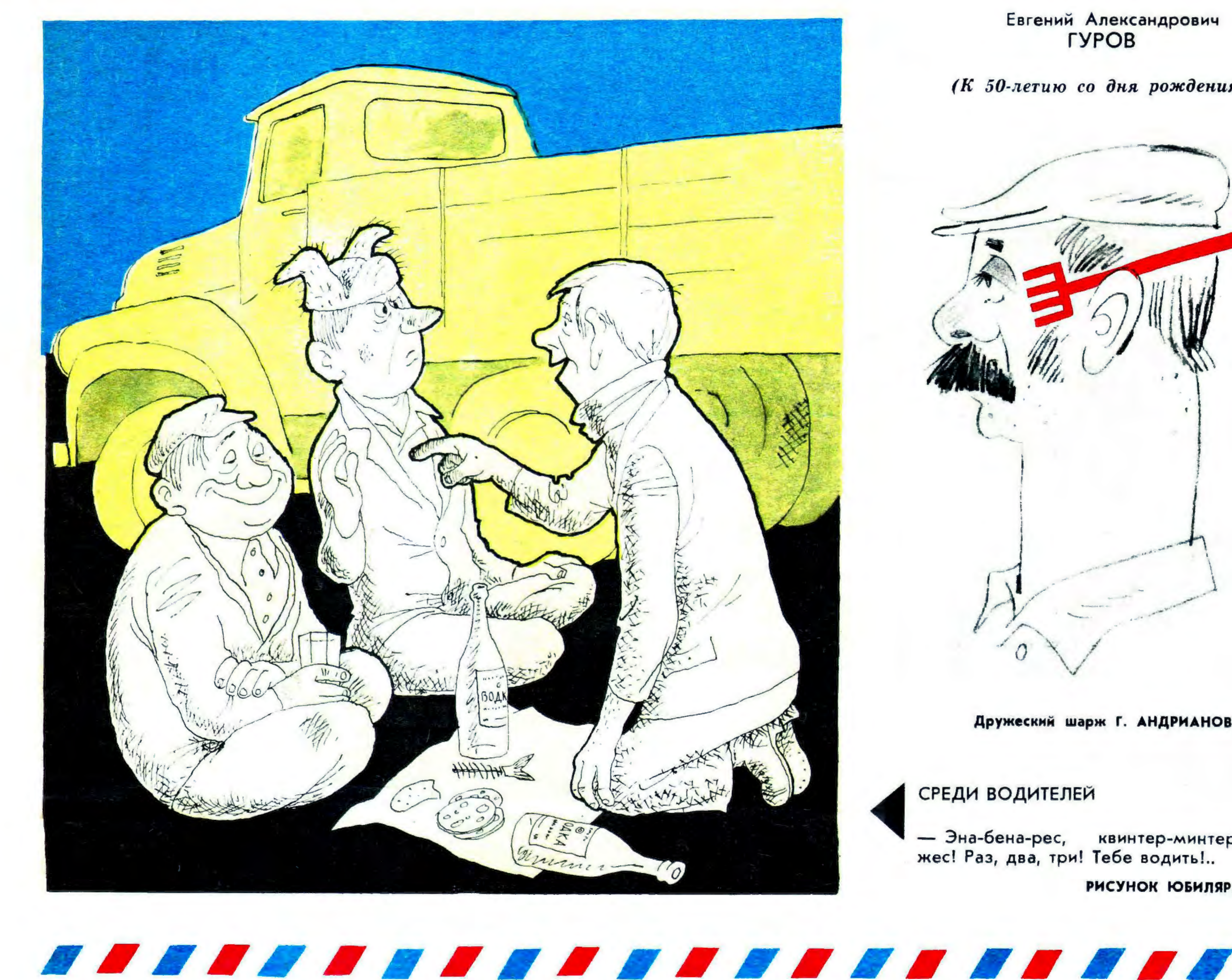
Были затронуты и другие проблемы, перечислять которые нет необходимости, потому что все они вместе с нашим глубоким почтением были пересланы заместителю председателя Новосибирского горисполкома товарищу Краснопольскому, который, в свою очередь, сообщил «Крокодилу», что все недостатки, указанные тов. Дюниным, «будут устранены в ближайшее время». А самому «тов. Дюнину даны подробные разъяснения в личной с ним беседе».

Ах, до чего все сложно в этом мире! Вот, например, Аркадий Константинович Дюнин более чем через полгода после этого письма сообщает, что никаких бесед и разъяснений, а тем более подробных, не было.

Надо сказать, ужасно неловко мы себя почувствовали, когда столкнулись вот такие два авторитета, и мы не знали, кто из них прав. Но потом выяснилось, что товарищ Краснопольский хотя и не давал личных подробных разъяснений, но очень хотел это сделать. И секретарша его прилагала какие-то невероятные усилия, чтобы эта беседа состоялась, но все без толку. Так что эти строчки в ответе товарища Краснопольского «Крокодилу» были скорей всего продиктованы очень большим желанием сделать все хорошо, и ничем иным.

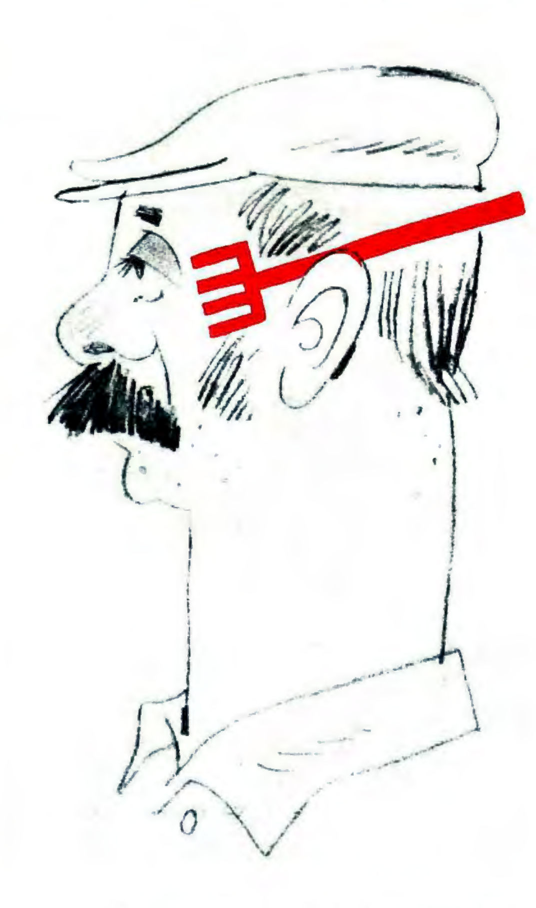
А тут еще стали поступать сигналы, что хотя время прошло и «ближайшее» и «не ближайшее», а недостатки в работе транспорта как были, так они и остались.

Но и тут мы не можем допустить, чтобы тов. Краснопольский «бросил то слово на ветер». Потому что как это: никаких изменений? А автобус? Ездил автобус или не ездил? Ездил, уважаемые читатели. Номер автобуса известен? Известен! Остановки объявлялись? Объявлялись! Вот вам и улучшение в работе транспорта, которое мы могли ощущать и видеть своими глазами. А пройдет еще какое-нибудь время, ну я не знаю какое, там, глядишь, и все двери начнут открываться, билеты пойдут нормальной величины и каждый из подозрительного «зайца» превратится в уважаемого всеми пассажира.



Евгений Александрович
ГУРОВ

(К 50-летию со дня рождения)



Дружеский шарж Г. АНДРИАНОВА

СРЕДИ ВОДИТЕЛЕЙ

— Эна-бена-рес, квинтер-минтер-жес! Раз, два, три! Тебе водить!..

РИСУНОК ЮБИЛЯРА

Улыбнись, читатель!

Не только кроссворды

Зинаида Петровна Абанина из Ярославля возмущена обложкой 5-го номера, где изображена секретарша, которая несет начальнику кроссворд и предупреждает ожидающих посетителей: «Тихо! Начальник думать будет!..» Тов. Абанина много лет сама работала секретарем. Она считает, что начальнику в рабочее время не до кроссвордов.

Насчет кроссвордов, тов. Абанина, мы, пожалуй, переборщили. Признаем. Есть руководители, которые во время работы ходят на футбол, или перекидываются в картишки у приятеля, или, наконец, примитивно выпивают.

Был еще такой случай: начальник одного из свердловских предприятий значился в длительной ленинградской командировке, тем не менее в это же время он успешно рыбачил на реке Чусовая в районе города Староуткинска. Но таких в общем-то мало.

В конце письма тов. Абанина добавляет: «А может, мне просто попадались сознательные начальники».

Мы тоже так думаем, уважаемая Зинаида Петровна.

У меня в гостях «Долгий ящик»

А воротник-то где же?

Редакции газеты «Челябинский рабочий»

Моя жена заказала в Карталинском комбинате бытового обслуживания зимнее пальто. Заказ был выполнен, но мастера почему-то подменили воротник. Когда жена попросила их найти тот воротник, который она им сдавала, они ответили, что искать бесполезно, потому что это и есть тот самый воротник. И очень удивлялись, что заказчик не узнал свой воротник. Между прочим, воротник, который видишь впервые, узнать действительно трудно.

С. Сиркин.

Редакции газеты «Челябинский рабочий»

Копия: тов. Сиркину С. И.

По сообщению главного инженера Карталинского комбината бытового обслуживания тов. Рекунова, при рассмотрении жалобы факт замены воротника не подтвердился. Чтобы убедить тов. Сиркина, что к пальто пришит воротник заказчика, был подпорот воротник у пальто, на котором сохранилась роспись заказчика.

Управление считает, что претензии к комбинату тов. Сиркина не обоснованы.

Зам. начальника Челябинского управления бытового обслуживания Н. Кузьмин.

Уважаемый Крокодил!

...Теперь вынужден обратиться за твоей помощью. Уж если мы с женой не смогли доказать, что это не тот воротник, то, видимо, и подавно не удастся доказать отсутствие росписи на воротнике. Подскажи, пожалуйста, как тут быть.

С. Сиркин.

Редакции журнала «Крокодил»

Областное управление бытового обслуживания населения Челябинского облисполкома сообщает, что в связи с нарушением закройщицей Карталинского комбината бытового обслуживания т. Михайловой Н. И. правил приема и выдачи индивидуальных заказов т. Сиркиной заменен старый воротник из песца на новый.

На закройщицу комбината т. Михайлову наложено административное взыскание.

Зам. начальника управления Н. Кузьмин.

Уважаемый Крокодил!

Благодаря твоей помощи дело немного сдвинулось, но тов. Кузьмин снова погрешил против истины. Воротник не заменили, а выдали всего лишь бумажку под названием «Гарантийная расписка». Конечно, и «Гарантийную расписку» можно пришить к пальто взамен воротника. Но будет ли от нее тепло?

С. Сиркин.

Над чем работают в редакции

В любом жанре

В номере 22 за 1973 год был напечатан анекдот:

— Жаль, что вы не были на премьере моей новой оперы! Люди дрались у кассы.

— В самом деле? И что же, вернули им деньги или нет?

В номере 13 за прошлый год появился точно такой же анекдот, только речь в нем шла не об опере, а о пьесе.

Р. Бералин, г. Магнитогорск.

Рады сообщить вам, что в настоящее время редакция подготавливает несколько новых изданий этого анекдота. Мы намерены ввести в него оперетту, балет, кинокомедию, ревю, ораторию, а также, если останется место в журнале, водяную феерию. Замучили плохие премьеры.

«На Ваше отношение сообщаем, что Иванов А. М. был рассмотрен на месткоме 22 марта, где он заявил, что пьянку прекратит только 29 марта, так как у него запой. Местный комитет дал согласие».

(Из ответа).
Прислал П. Коржов, г. Барнаул.

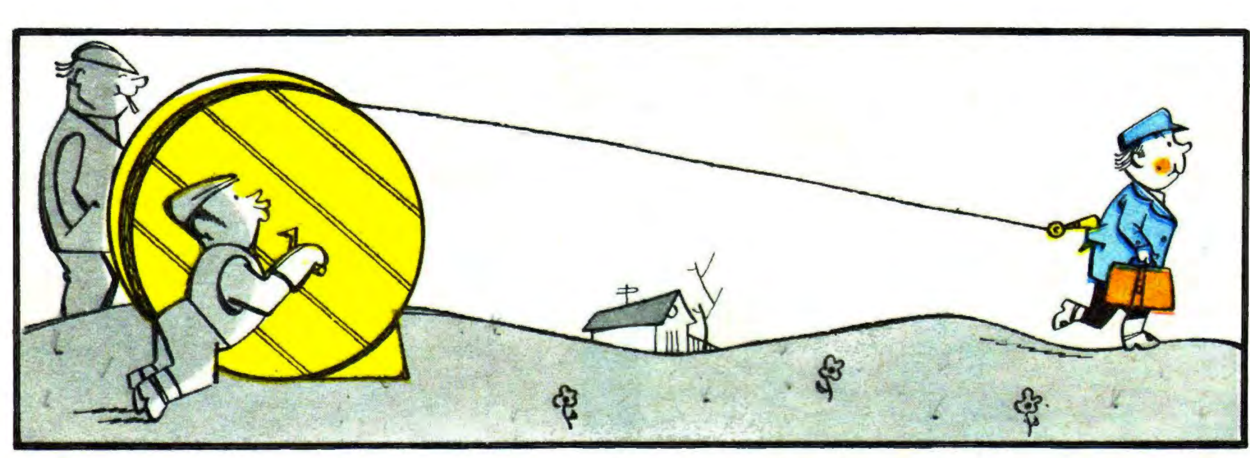
«Сельдь рубленая из хека. Цена 20 коп.».
(Из меню кафе «Юность»).
Прислал К. Рачинский, г. Полоцк.

«Дружинник! Для выполнения этих обязанностей тебе предоставлено право:
...требовать от водителей автомототранспортных средств, тракторов и иных самоходных машин, нарушающих правила дорожного движения, документы на право управления транспортными средствами в состоянии опьянения...»

(Из Памятки народному дружиннику, изданной в Туле).
Прислал В. Лебедев.

«Мужчинам запрещается находиться на танцах в длинноволосой прическе».

(Из «Правил и требований к посетителям на танцевальных вечерах» в Доме культуры Канашского вагоноремонтного завода).
Прислал И. Шарнин, г. Канаш.



— Теперь наш стипендиат наверняка вернется из города...

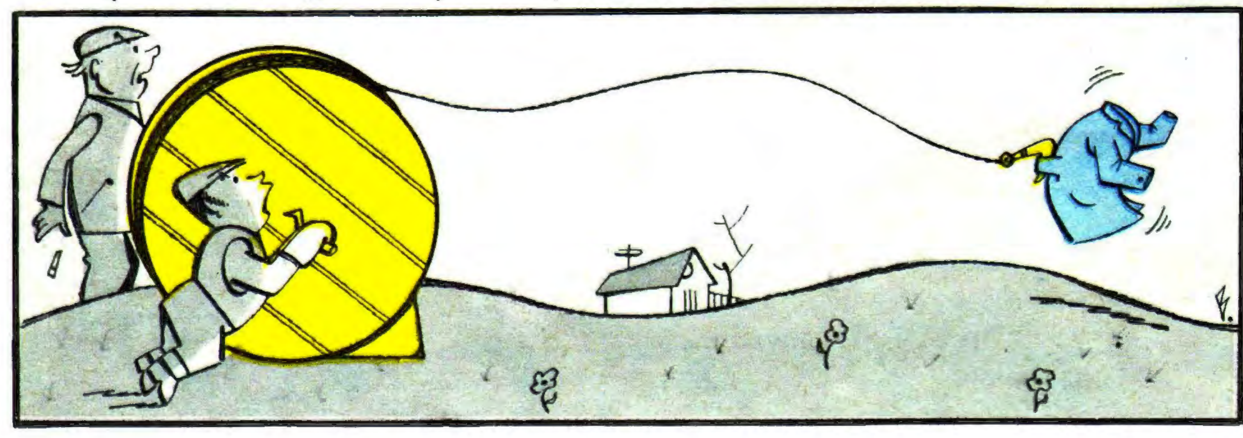


Рисунок М. ВАЙСБОРДА

В. КОТЕНКО,
специальный корреспондент Крокодила

В КОФЕЙНЫХ ПАРАХ

Ликуй, человек: собрание как таковое отмирает. Слишком оно чопорное, знаете ли. А место его занимает «Огонек». По типу телевизионного. Явилась новая форма совмещения приятного с полезным. Собрание, но не официальное. Нет трибуны, президиума. Все демократично сидят за столиками, глушат кофе, обмениваются мнениями. Никто не назовет «прозаседавшимися». Хоть всю ночь заседай. Неплохое, доложу вам, мероприятие, только слишком много кое-где пьют. Кофе, конечно...

Вот «Огонек» в Топилинском винсовхозе производственно - совхозного объединения «Донвино». В честь Дня энергетика. На свой цеховой праздник собрались все, кто любит электричество. В общем, совхозные электрики и обмотчики. Вечер прошел в теплой, дружественной обстановке.

Главный инженер совхоза Сазонов произнес красивый вступительный тост, виноват, речь:

— Отдельные несознательные граждане до сих пор не знают, что такое электричество, с чем его едят. Вы, ребята, к их числу не принадлежите. Поздравляю с праздником! Ура!

Бравые электрики залпом осушили стаканы. С кофе.

Далее инженер по технике безопасности предложил опрокинуть по стаканчику кофе за родоначальника — Т. А. Эдисона. Поддержали.

— Теперь помянем Фарадея, — выдвинул идею завмастерскими.

Хлобыстнули по стаканчику кофе за Фарадея.

Слово взял старейший электрик совхоза.

Выпили кофе за электроны, позитроны, протоны. Поочередно. Кто имеет что против частиц?

Главный устроитель «Огонька», он же электробог совхоза инженер-электрик Лавриненко, роздал подчиненным презенты: пассатижи, складные ножи. Их, конечно, обмыли. Кофе. А потом правило буравчика отметили. На нем весь курс электротехники держится. Есть такой буравчик, ну штопор вроде.

Началась художественная самодеятельность. Пели народные песни и танцевали гопака. Кобезев заборолся с Гордиенко. Пал последний, свалив партнеру на плечо весы. Кобезев лицом стал цвета электрик, пожаловался на боль в руке.

— Потяни за руку,— попросил он Кирьянова.

Тот потянул так, что повредил коллеге ключицу. Прощай, трудоспособность, на месяц плюс двадцать дней!

От кофе не спится. Коммунисты Лавриненко и Гордиенко (депутат сельского Совета, председатель комиссии по борьбе с хулиганством) после «Огонька» пошли в клуб. Заметили свет в школьной мастерской. Зашли. Там зачем-то жег государственный ток учитель Тращенко.

— Электричество уважаешь? — спросили его гости.

Показалось: уважает меньше, чем оно заслуживает. «Причинили ему легкие телесные повреждения, повлекшие кратковременное расстройство здоровья». Это по протоколу. А по медицине — сотрясение мозга. Тут «Огонек», собственно, и закончился.

Но начался он еще тем летом, когда электрики поссорились из-за высокого напряжения. При этом Кирьянов сломал себе о забор ребро и недели две не работал. А электробог Лавриненко отхлестал, воспитывая смену, по щекам молодого Сероклинова. И не было на них понижающего трансформатора. И нету до сих пор короткого замыкания. Почему-то хочется крикнуть: «Братцы, нельзя же по стольку кофе пить! Вредно!» Что получается, граждане? Раньше в народе говорили: коллективная пьянка,— теперь: «Огонек».

Эдисон бы не одобрил. Он пошел бы охотнее на чопорное собрание, чем на такой «Огонек».

Семикаракорский район, Ростовской области.

Арнольд БЕННЕТ
(Англия)

Выход из положения

— Я хотел бы купить пачку почтовой бумаги и пачку конвертов отличного качества,— сказал элегантно одетый мужчина продавцу писчебумажного магазина, расположенного на улице Олд-Бонд в Лондоне.

— Какого цвета бумагу вы желаете? — спросил продавец.

— Розовую.

— С каким запахом?

— Вот как! Значит, вы продаете и надушенную бумагу?

— Идем в ногу с веком!

— Хорошо, пусть бумага пахнет фиалкой.

— Тогда я вам могу предложить японскую.

— Ну-ка, покажите... Гм... Очень хорошо, однако бумага толстовата, конверты велики.

— Тогда возьмите такую же, только папиросную.

— Не годится: на ней расплываются чернила...

— А вы печатайте на машинке, сэр.

— Нельзя: частные письма нужно писать от руки.

— Не смогу ли я вас обслужить сам? — вмешался старший продавец.— Что вас не устраивает, сэр?

— Видите ли, я посылаю письма голубиной почтой. Поэтому бумага должна быть тонкой, а конверты маленькие...

— Боже! — воскликнул старший продавец.— Я могу порекомендовать выход из положения! Скрестите ваших голубей с попугаями.

— Это зачем же?

— От голубя гибрид унаследует талант почтальона, а от попугая — способность устно передавать содержание ваших посланий, сэр...

Перевел Г. М.

●

— В чем дело? — спрашивает один укротитель другого.— Ты всю жизнь занимался мышами, а теперь, говорят, перешел на слонов?

— Что делать,— вздыхает первый укротитель,— старею, дорогой, зрение уже не то.

●

Разговор будущего тестя с будущим зятем:

— А кто поручится, молодой человек, что вы хотите жениться на моей дочери не из-за приданого?

— Э, господин Дюпон, мы оба рискуем: кто мне гарантирует, что при нынешнем спаде вы не обанкротитесь на следующей неделе?

●

Подруги разговаривают:

— Надеюсь, ты никому не рассказала о моей встрече с Николасом?

— Разумеется, нет, моя дорогая, ведь я же не знала, что это секрет!

●

Леди выходит после благотворительного бала на улицу и замечает нищего с протянутой шляпой.

— Вот вам пенс,— говорит она,— но больше я вам ничего не дам. Достаточно того, что ради вас я танцевала всю ночь!

●

Разгневанная супруга спрашивает, откуда у ее подвыпившего мужа следы укусов на лбу.

— Наверное, я сам себя укусил,— бормочет муж.

— Сам! А как ты, интересно, мог достать свой лоб?

— Наверное, влез по лестнице...

●

— Обвиняемый, почему вы убили свою жену, вместо того чтобы убить ее любовника?

— Я рассудил, ваша честь, что гораздо разумнее убить одну женщину один раз, чем каждую неделю убивать по новому мужчине!

●

Девочка спрашивает у мамы:

— Скажи, почему ты вышла замуж за папу?

Мать глубоко вздыхает и задумчиво говорит:

— Ну вот, и ты задаешь этот вопрос...

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

В ПОИСКАХ ЧЕРНЫХ КОШЕК С КУЦЫМИ ХВОСТАМИ

Жители болгарского города Габрово на весь мир прославились рассказами о своей скупости. Самый знаменитый анекдот такой. Чтобы сэкономить теплый воздух, который выходит из дома наружу, когда зимой приходится выпускать погулять на улицу кошку, габровец отрубает у кошки хвост.

Поэтому изображение этой черной кошки с куцым хвостом стало веселым символом десятого национального фестиваля юмора и сатиры в Габрово. Гвоздем фестиваля стал карнавал, в котором приняли участие самые веселые и остроумные габровцы. На фестиваль приехал глава Болгарского государства Тодор Живков. Почти час перед вышедшим на улицы и площади народом, гостями из многих стран шло, пело и плясало, смеялось само Веселье и Остроумие.

Кстати, о Веселье и Остроумии. Пока габровцы готовились к своему фестивалю, в только что открытом Доме сатиры и юмора проходил международный симпозиум как раз на тему, что такое веселье и остроумие и вообще почему человек смеется.

Кстати, почему человек смеется? Критики на симпозиуме не пришли к единому выводу, но зато сами единодушно смеялись на международной выставке карикатуры, которая открылась в эти дни в Габрово.

Потом у всех было немного свободного времени, и каждый проводил его как умел: глава делегации советских писателей Леонид Ленч, естественно, возглавлял и руководил. Критики Борев и Николаев доспоривали то, что не успели доспорить на симпозиуме. Писатель Борис Ласкин уже начинал мысленно сочинять отчет в «Литературку»...

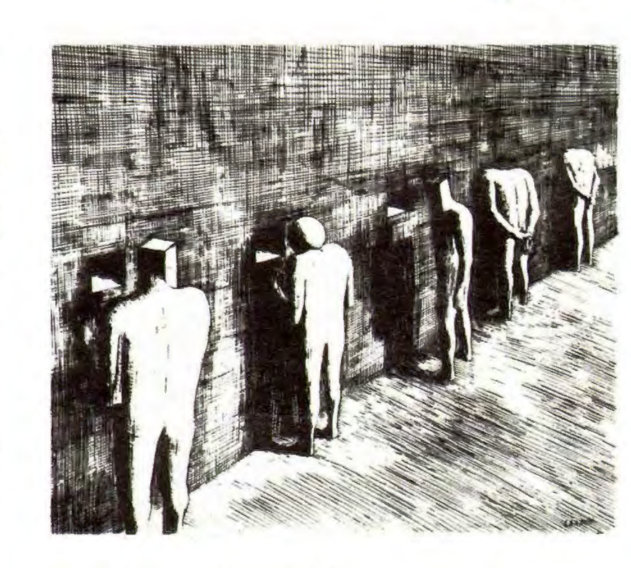
Я же отправился бродить по Габрово в поисках сувенира. Я лелеял тайную надежду увезти с собой живую черную кошку с отрубленным хвостом, как доказательство, что я был в Габрово. Но, увы, все кошки в Габрово были с длинными хвостами и почему-то даже не черными, а обычной расцветки.

И тогда мне стало ясно то, что в общем-то было уже ясно с самого начала: и вовсе габровцы не жадные. Все анекдоты про себя они выдумывают, чтобы было веселее жить, ибо смех украшает нашу жизнь.

И мне ничего не оставалось, как снова отправиться на выставку карикатур и набрать с собой рисунков. Надо же все-таки чем-то доказать, что ты был в Габрово...

Е. ДУБРОВИН

АНДРЕЙ НЕКРАСОВ (СССР) — 1-я премия



ЖАК АРМАН КАРДОН (Франция) — 2-я премия

МИРОСЛАВ БАРТАК (Чехословакия)

Сувениры из Габрово

Не успела наша делегация, вернувшись в Москву, распаковать чемоданы, как раздался телефонный звонок:

— К вам гости из Габрово. Привезли сувениры.

— Черного кота?!

— На этот раз нет... Всего-навсего изделия из золота. Во-первых, «Крокодил» за помощь в организации Габровского фестиваля награжден Золотой медалью. Такими же медалями награждены Союз писателей СССР и «Литературная газета». Во-вторых, художника Андрея Некрасова за первое место в конкурсе карикатур ожидает приз «Золотой Эзоп». Затем памятные медали всем участникам конкурса... Затем сувениры...

— А говорят, что габровцы...

— Слухи несколько преувеличены.

Для вручения всего этого в редакцию «Крокодила» прибыли Полномочный министр, советник Посольства НРБ в СССР по вопросам культуры тов. Йотов, председатель Габровского окружного Совета тов. Пангелов, секретарь оргкомитета Габровского фестиваля тов. Колев, директор Дома юмора и сатиры в Габрово тов. Фортунов.

Вручение наград прошло в жаркой, золотой, сердечной обстановке.

Окончание на последней странице обложки

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

КРОКОДИЛ
№ 19 (2137)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, Е. Гуров, Е. Милутка, В. Мохов, Ю. Степанов, И. Сычев, Ю. Узбяков, М. Ушац.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

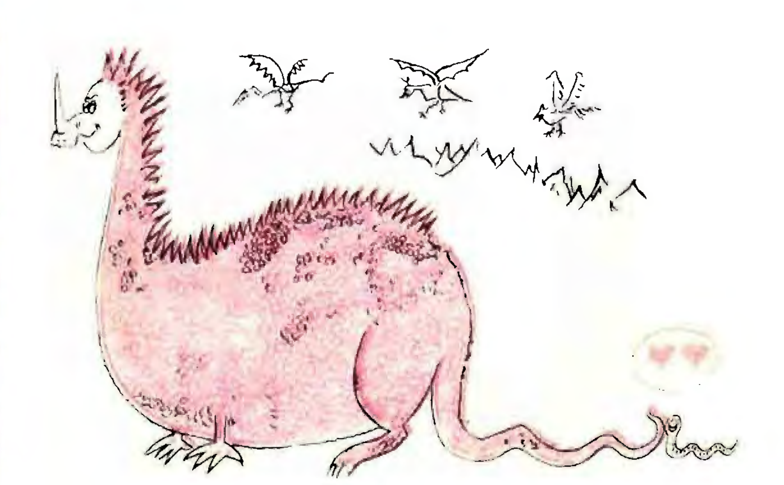
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 17/VI 1975 г. А 00870. Подписано к печати 27/VI 1975 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 980 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 619 350). Изд. № 1700. Заказ № 809.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

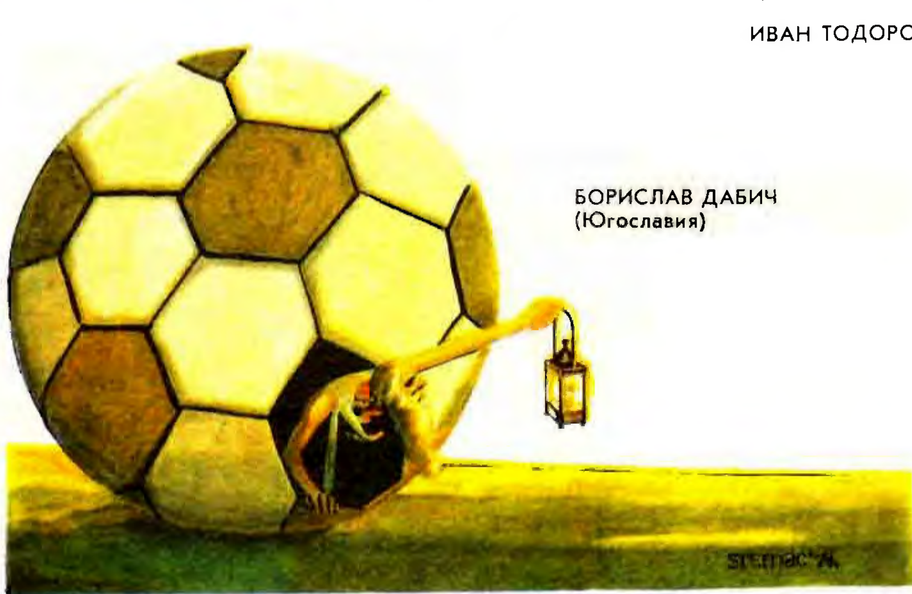
(См. стр. 15)

ВОЛЬДЕМАР МАНЦЕЛЬ (ФРГ)



ДАНИЛО АКВИСТИ (Италия)

ЛЕОНИД НАСЫРОВ (СССР)



БОРИСЛАВ ДАБИЧ (Югославия)

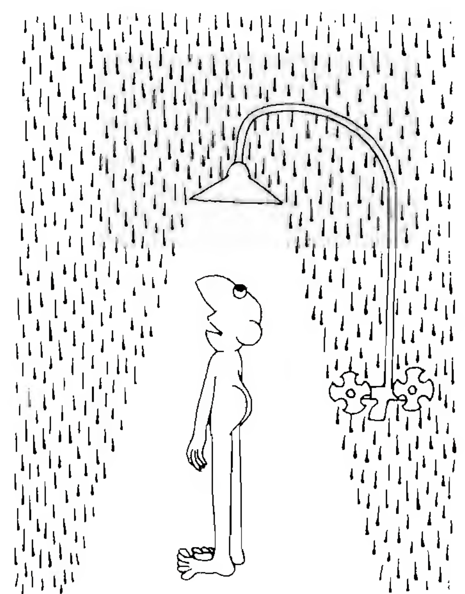
1

2

3

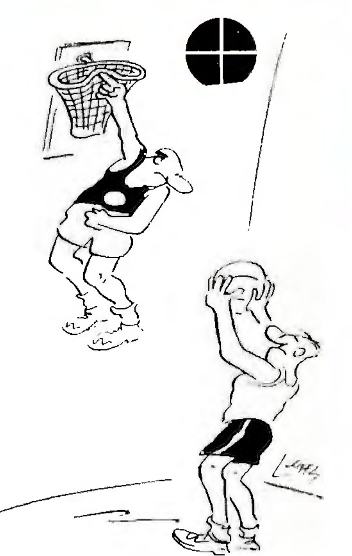
4

АБДЕ САМИ (Египет)

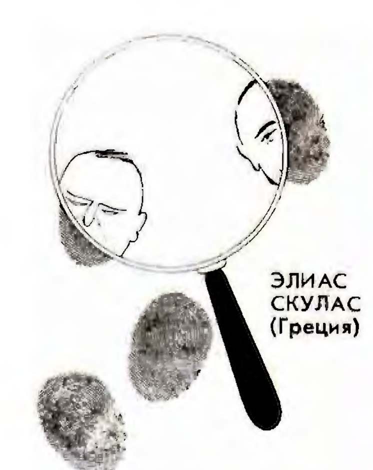


ИВАН ТОДОРОВ (Болгария)

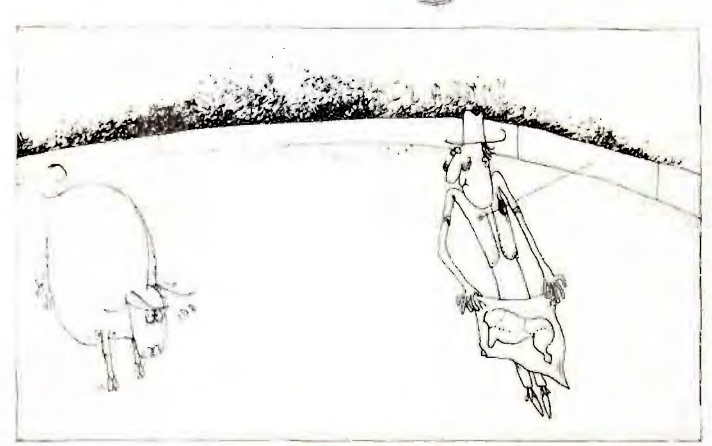
ВАСИЛИЙ ВОЛКОВ (СССР)



ТЕРЕНС ПАРКС (Англия)



ЭЛИАС СКУЛАС (Греция)



АРВИДАС ГУРЕВИЧАС (СССР)